

The background of the top half of the cover features a woman with long red hair in a braid, wearing a blue coat with a thick white fur collar and a white fur hat. She holds a dagger in her right hand. Behind her is a steam locomotive in a snowy, arched setting.

Бронислава
Вонсович

— ГИМНАЗИСТКА —
НЕЧАЯННОЕ
ТУРНЕ

— Магия, меняющая мир —

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Бронислава Вонсович

Гимназистка. Нечаянное турне

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вонсович Б. А.

Гимназистка. Нечаянное турне / Б. А. Вонсович — «Издательство АСТ», 2021 — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета)

ISBN 978-5-17-149946-4

Пришел песец, не простой, а полный и жизнерадостный. И пошла у Лизы жизнь как в сказке. В какой сказке? «Колобок», разумеется. От бабушки – ушла, от Соболева – ускользнула, от Волкова – улизнула. Даже смертельной опасности избежала. Осталось еще Лисицыну на зубок не попасться. Ну так и сама Лиза не сдобная булочка, а настоящая рысь, с клыками, зубами и магией.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149946-4

© Вонсович Б. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бронислава Вонсович

Гимназистка. Нечаянное турне

© Б. Вонсович, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Помнится, я мечтала расстаться со вконец опостылевшей гимназической формой и носить что-нибудь не столь казенное, зато элегантное. Мои мечты исполнились только в первой части. Собственно, сложно найти что-то элегантное, подбирая одежду среди поношенной. Можно было сколь угодно успокаивать себя, что всего лишь пытаюсь соответствовать выбранному образу, но на деле мне просто катастрофически не хватало денег. Свою одежду я взять не могла: она бы меня непременно выдала, да и если бы не выдала, даме в возрасте девичья одежда не подходила ни по фасонам, ни по цветам. А значит, траты на одежду были неизбежны. На одежду и большой саквояж. Эх, нужно было аванс просить с Мэннинг. Не факт, что она его дала бы, конечно...

Я вздохнула и с новой силой принялась сбивать цену. На самом деле торговец куда сильнее хотел отделаться от выбранных мной вещей, чем я их купить. Он это чувствовал, поэтому неохотно, но шел на уступки, но так медленно, что нам обоим грозило состариться раньше, чем прийти к компромиссу.

– Сударыня, эту горжетку носила жена генерала, а вы хотите, чтобы я вам ее подарил, – укорил торговец, тряся упомянутой горжеткой у меня перед носом.

Иллюзия действовала на отлично, и пока мой собеседник ни на миг не усомнился, что видит перед собой взрослую даму, а не юную барышню. Не очень обеспеченную даму, желающую прилично выглядеть. Поэтому меха, даже такие потертые, мне были жизненно необходимы: без них выбранное пальто выглядело совсем уныло. Конечно, я не должна затмевать мисс Мэннинг, но с такими мехами я не превзойду даже Грызельду, не говоря уж об оперной диве.

– Если и носила, то в то время, как когда ее муж был еще лейтенантом, – парировала я, с трудом удерживаясь от чихания.

Надеюсь, эта мелкая взвесь непонятных частиц с горжетки – пыль или порошок от насекомых, а не следы пиршества моли. В последнем случае при сильном встряхивании с горжетки посыплется уже не только пыль, но и клочья меха.

– Зачем нам везти меха из-за границы, если у нас свои прекрасные?

– Из-за границы?

– А где вы у нас найдете лейтенанта? – столь же удивленно ответил торговец. – Разве что на флоте, но тогда он дослужился бы до адмирала. Нет, сударыня, меха что ни на есть действительной генеральши. Настоящий сибирский песец, с таким в любом обществе не стыдно показаться. Даже к вечернему платью подойдет. Берете?

С настоящим сибирским песцом мне и без того придется показываться в обществе. Точнее, не мне, а мисс Мэннинг, а я иду в качестве оплачиваемого приложения. Но увы, того песца к пальто не приложишь, пусть он и идет бесплатно, а этот выглядит куда хуже.

– За такую цену я могу купить новые меха.

– Сударыня... – укоризны в голосе торговца хватило бы на целый торговый центр. – Эти меха почти новые, и я отдаю их вам почти даром. Просто компенсирую хранение.

– В банковской ячейке в течение ста лет? Не очень-то они и сохранились. Наверное, условия были неподходящими.

Похоже, мы оказались в патовой ситуации: не желали уступить ни он, ни я. Я – потому что хоть меха мне были нужны и эти здесь были самыми приличными, не могла позволить себе расстаться с запрашиваемой суммой. Торговец – из чистой вредности или, как вариант, из профессиональной гордости, не желая признавать мое первенство в нашем с ним торге. А ведь вещи я уже выбрала и забрала бы хоть сейчас, но только меха придадут им нужную респектабельность. И время катастрофически уходит.

– Эх, сударыня, – вздохнул торговец. – Только ради вас. – Он вытащил из-под прилавка муфту в комплект к горжетке. – Добавляете рубль и забираете все. И это мое последнее слово.

Муфту я скептически повертела. Мех с нее, конечно, не осыпался, но от этого она новее не выглядела: по потерностям было хорошо понятно, почему от нее избавились. И все же... все же к горжетке она подходила прекрасно, а горжетку я уже считала своей, поэтому я с тяжелым вздохом предложила:

– Пятьдесят копеек. И забираю. По рукам?

Итак, я оставалась почти без денег. Но, как ни крути, если бы я даже не стала покупать меха, на поезд мне уже не хватило бы, а мисс Мэннинг обещала хорошо заплатить.

– По рукам, – с облегчением выдохнул торговец и протянул руку.

За деньгами, разумеется, а не чтобы скрепить сделку уверенным мужским пожатием. С деньгами я рассталась неохотно, но быстро. Время не просто поджимало, его практически не было.

Отвод глаз я наложила при выходе из лавки, а потом побежала совершенно неприличным образом, благо никто меня сейчас не видел. В дом Владимира Викентьевича успела попасть до появления хозяина и даже в свою комнату поднялась, ни с кем не столкнувшись. Кухарка, правда, что-то пробормотала про гуляющие сквозняки, когда я проходила мимо, но проверять, откуда те взялись, не стала и, думаю, минут через пять уже благополучно про них забыла.

У себя в комнате я разложила принесенные вещи на кровати и вытащила армейские учебники. Где-то в них был раздел по бытовым плетениям, а моя покупка нуждалась и в стирке, и в накрахмаливании, и в отглаживании. Как ни странно, первым мне попало плетение для ухода за мехом, его я и использовала с внутренним трепетом. Этак ошибешься совсем немного, и дальше придется ухаживать уже за кожей без единого волоска. Права на ошибку у меня не было.

Поэтому плетение я строила особенно тщательно, а после использования даже зажмурилась, опасаясь увидеть результат. Когда открыла глаза и увидела посеревший мех, похолодела. Но это оказалась всего лишь сконцентрировавшаяся пыль, которую я удачно стряхнула за окно. Мех стал поприличнее и даже заблестел, хотя новым его, конечно, никто не назвал бы. Песец второй свежести...

Остальную одежду обрабатывать было не столь страшно; в конце концов, плетения я применяла по очереди на каждой вещичке, поэтому, испортить я что-то одно, следующие останутся в целости. Но ничего не испортилось, слава богу. Или богам? Если уж считать этот мир своим, то, наверное, пора следовать его правилам?

Долго раздумывать над философскими вопросами я не стала, почистила последнее – увесистый саквояж с чуть погнутым замком, который тем не менее хорошо закрывался. И в этом случае военное плетение не подвело: кожа приняла пусть не новый, но ухоженный вид, а металлические детали заблестели. Хорошенько потряся им, чтобы уж наверняка никакого мусора внутри не осталось, я заполнила его купленными вещами, оставив на завтра только длинную темно-синюю юбку и белую блузку с кружевным жабо, посчитав, что такая одежда переводчице подойдет. В саквояж же полетели и книги по магии, с вложенными в первый том документами и шитовским направлением. Больше я ничего брать не собиралась.

Я едва успела забросить все на шкаф и прикрыть отводом глаз, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не наткнулся случайно или целенаправленно, как горничная постучала и сообщила, что Владимир Викентьевич ждет меня на ужин.

– Елизавета Дмитриевна, выглядите вы весьма взволнованной. Что-то случилось? – пронищательно поинтересовался он, едва я спустилась в столовую.

– Фаина Алексеевна случилась, – почти не покривила я душой.

Действительно, не устрой мне княгиня того, что устроила, я бы и не подумала о побеге до окончания гимназии. Но поскольку мне ее и так окончить не дадут, будем выполнять пункты плана обходными путями.

– Ох, Фаина Алексеевна чересчур усердствует, – вздохнул Владимир Викентьевич. – Она не слушает никаких доводов. Возможно, будь вы к ней повнимательней...

– Вот еще, – вскинулась я. – Может, мне все ее желания по первому требованию выполнять? И клятву полного подчинения принести? Чтобы уж совсем, так сказать, облегчить ей жизнь. Назначила она меня, видите ли, себе в преемницы. А меня она спросила?

– В таких вопросах согласия не спрашивают, – удивленно отвечал Владимир Викентьевич. – Это большая честь для вас, если она действительно так сказала.

– Сказала, – подтвердила я. – Сегодня сказала. Только зачем оно мне?

– Сила? Власть?

– А будут ли они? Пока я вижу одни ограничения и желание княгини все делать за меня. Увольте от такого счастья.

– Фаина Алексеевна желает вам блага, – возразил он. – Разумеется, как она это понимает. Но быть главой одного из крупнейших кланов Российской империи не так уж и плохо, хотя, конечно, обременительно. Разумеется, вам придется еще многое узнать, но...

– Ах, Владимир Викентьевич, давайте поговорим о чем-нибудь другом, – взмолилась я. – От разговоров о Фаине Алексеевне у меня полностью пропадает аппетит.

Аппетит у меня полностью пропал от задуманной авантюры, но в этом признаваться по меньшей мере неблагоприятно. Владимир Викентьевич не поймет, почему я собираюсь сбежать от силы и власти в неизвестность. Но пока мне не предлагают ни первого, ни второго, только манят их призраками, пытаюсь получить полный контроль над моей жизнью. Индейское национальное жилище вам, ваша светлость, а не управляемая я. Возможно, и желание выдать меня замуж поскорее за кого попало проистекает из желания сделать мою личную жизнь таковой, чтобы я с радостью посвятила себя всю чему-нибудь другому. Работе на благо клана, например.

Размышляя на эту тему, я без особого желания пережевывала пищу, даже не обращая внимания на то, что ем. Владимир Викентьевич делился новостями Ильинска, обходя щекотливые темы. Так, об отмене концерта мисс Мэннинг не было сказано ни слова, целитель лишь посетовал на скудость культурных мероприятий в городе в этом сезоне. И об отсутствии ярких и интересных статей в городских газетах. Ничего, скоро им будет о чем писать. Уверена, пропажа почти наследницы клана не пройдет незамеченной. Это куда интересней дуэли поручика с подпоручиком из-за несуществующей невесты. То есть нельзя, конечно, сказать, что несуществующей, но однозначно – не невесты.

Утром я как ни в чем не бывало отправилась в гимназию. Владимир Викентьевич меня подвез, а охранник остался снаружи, поскольку на занятия его все равно не пускали, мотивируя тем, что посторонним в гимназии делать нечего. Я же, как только вошла, сразу бросилась искать Оленьку, потому что оставалось одно важное дело, которое непременно следовало утрясти до отъезда. Хорошо, что подруга как раз была в гардеробе и мне не пришлось ни раздеваться, ни искать ее.

– Оля, у меня к тебе большая просьба, – торжественно сказала я. – Когда будешь писать брату, вставь туда фразу: «Все идет по плану».

– То есть написать, что ты передаешь, что все идет по плану? – удивленно уточнила она. – По какому плану и когда это вы успели о нем договориться?

– Нет, про меня упоминать не надо. Просто напиши эту фразу, можешь подчеркнуть, но и только. Хорошо? Не забудь, очень прошу.

– Хорошо. А...

Спросить она больше ничего не успела, потому что я набросила на себя полог и помчалась к выходу. Если я собираюсь уехать сегодня с Мэннинг, тянуть нельзя. Двери в гимназии

постоянно открывались и закрывались, поэтому мой охранник, увлеченно болтавший с дворником, на лишнее открывание внимания не обратил.

Я же рванула к дому Владимира Викентьевича, мой план слишком зависел от времени, чтобы не переживать о стремительно улетающих минутах. В дом я прошмыгнула уже привычным черным ходом, стараясь как можно медленнее и тише открывать дверь. Но думаю, что даже будь я не под отводом глаз, меня бы не заметили, настолько увлеченно кухарка с горничной что-то обсуждали.

В своей комнате я переоделась и добавила в саквояж всякую гигиеническую мелочовку: расческу, зубную щетку, зубной порошок. Косу закрутила в узел и пришила грубыми черными шпильками. Вместе с новой одеждой и внешностью облик получился необычайно солидным, вполне подходящим переводчице. Правда, сама я видела собственное лицо через морок, который для остальных был непроницаем. Почти для всех. Надеюсь, что не встречу более сильного мага, способного распознать обман.

Мое пальто и гимназическая форма заняли место на шкафу под отводом глаз. Если туда никто не полезет, плетение должно проработать около месяца. По-хорошему, надо куда-нибудь утащить и сжечь. Но нет времени, а вот вероятность, что это действие засекут, напротив, есть. Так что оставить здесь надежнее.

Кухарка и горничная так и продолжали болтать. Наверное, традиция у них такая: как уходит Владимир Викентьевич из дому, так они за чай садятся и жалуются друг другу на горькую женскую долю. Сейчас явно обсуждалось что-то берущее за душу: горничная дрожащим голосом что-то рассказывала увлеченно слушающей кухарке, которая не только сопела в такт рассказу, но даже сочувственно всхлипнула. Но останавливаться и слушать я, разумеется, не стала, а тихо прикрыла за собой дверь черного хода. Прошла пару кварталов, завернула за угол, сняла отвод глаз, оставив только ту его часть, что отвечала за запахи, и свернула опять на центральную улицу.

Несмотря на то что увесистый саквояж оттягивал руки, хотелось бежать вприпрыжку. Я заставляла себя идти не столько медленно, сколько уверенно, хотя внутри все сжималось от страха. Вдруг мисс Мэннинг за ночь передумала или Песцов нашел другого переводчика? Почти все свои деньги я потратила на новую одежду. Можно сказать, поставила все на кон, и даже думать не хочу, что буду делать, если проиграю. Я не проиграю, потому что не имею на это права.

Швейцар важно раскрыл передо мной дверь, и я оказалась в холле гостиницы. Мисс Мэннинг пока не было, но Песцов уже был, сидел на диванчике и скучающе изучал картины на стенах. Пальто он небрежно распахнул, но не снял. Надеется на пунктуальность своей дивы?

Делая вид, что я понятия не имею, кто он, я подошла к портю и поинтересовалась мисс Мэннинг.

– Она вот-вот спустится, – ответил тот. – Вон тот господин ее тоже ждет.

Я повернулась и встретилась взглядом с Песцовым. Свой отводить не стала. Напротив, попыталась улыбнуться как можно доброжелательней, скопировав Грызельду в хорошем настроении, и подошла к нему. Он вставать не стал, разом оценив и возраст, и финансовое состояние, и спросил этак настороженно:

– Вы та самая переводчица, о которой меня предупреждала мисс Мэннинг?

– Именно так, господин?..

– Песцов, – кивнул он. – Дмитрий Валерьевич.

– Анна Дмитриевна. – Руку я протягивать не стала. Что-то мне подсказывало, что она так и повиснет в воздухе. – Павлова.

– Так вот, Анна Дмитриевна, – вальяжно сказал он, – переводчика я не нашел за столь короткий срок, поэтому выставлять вас сразу не буду.

– У меня договор с мисс Мэннинг, – напомнила я.

– Мисс Мэннинг плачу я, а значит, я и решаю, кто с ней будет работать, – жестко бросил он. – Вы появились необычайно вовремя, и это мне кажется весьма подозрительным.

– Уверяю вас, наша встреча с мисс Мэннинг была случайной, – возразила я.

– Нет лучше случайности, чем хорошо запланированная, не так ли? – Он прищурил глаза, нехорошо так, подозрительно хищно прищурил. – Учтите, милочка, вам меня не подловить.

– Что вы имеете в виду? – опешила я.

– Вы прекрасно понимаете, – фыркнул он. – Будет она мне тут притворяться. Вы же от Рысыных?

– С чего вы взяли?

Выверты его воображения скорее пугали, чем радовали.

– С разговора с Фаиной Алексеевной, – пояснил Песцов. – Она меня предупреждала, что без присмотра не оставит. Я же не идиот. Два и два сложить много ума не надо. Так что вы здесь долго не проработаете. Более того, я прямо сейчас попрошу мисс Мэннинг, чтобы она разорвала ваш договор.

– Но мне нужно это место, – почти умоляюще сказала я. – Что я могу сделать, чтобы избавить вас от подозрений по отношению ко мне?

– Готовы поклясться, что не имеете отношения к Рысыным? Правильно поклясться, я имею в виду, а не просто сотрясти воздух словесами.

Я не чувствовала себя частью рысынского клана, но, боюсь, попробуй я поклясться, местные боги меня точно как-нибудь да накажут. Нет уж, обойдемся без формальностей.

– Разумеется, нет, – попыталась увильнуть я. – Мало ли кто из моих предков мог быть из них?

Например, отец. Или бабушка. Да и сама я, как ни крути, Рысына.

– Вот поэтому вы вылетите при первой возможности с места при мисс Мэннинг, – хищно осклабился Песцов.

– Возможно, нам удастся договориться как-то по-другому, без клятвы? – предложила я. – Клятва – вещь весьма опасная.

– По-другому? – Он переплел пальцы и задумчиво на меня посмотрел. – И во сколько вы оцениваете это самое «по-другому»?

– Это не мне оценивать, а вам.

– То есть я выплачиваю вам некоторую сумму, а вы сообщаете Рысыной то, что я вам скажу, я вас правильно понял?

– Если она спросит, – поставила я встречное условие.

Все-таки бегать за бабушкой и рассказывать ей сказки про безупречный песцовский облик я не собиралась, пусть я и виновата в том, что этот облик пошел трещинами в глазах моей пожилой родственницы. А вот деньги я возьму, не столько потому, что они мне жизненно необходимы, сколько потому, что в противном случае Песцов меня непременно выживет или даже забудет где-нибудь в глуши. А мне этого не нужно. Как ни крути, но мисс Мэннинг на несколько месяцев – идеальное прикрытие.

Глава 2

Обещанные Песцовым сани на деле оказались возком – этакой дорожной каретой, поставленной на полозья и шустро катившейся по снегу. В возке ехали мы вчетвером: мисс Мэннинг со своей горничной, Песцов и я. Маленькие окна пропускали света не так уж и много, и внутри царил полумрак, в котором певица уже не отличалась от своего изображения на афишах и выглядела юной и красивой. Песцов распускал перед ней хвост, как будто был из рода Павлиновых, но при этом пытаясь выразительно игнорировать меня. Второе получалось у него плохо, поскольку сидел он напротив и я, вне своего желания, постоянно была у него перед глазами, а стоило ему остановиться на мне взгляд, как на его лице появлялась раздосадованность. Наверняка бедолагу изнутри жгло сожаление о наспех всученных мне деньгах и он размышлял, насколько удачным окажется вложение. Не получится ли так, что я и его ограблю, и Рысьиной выложу все как есть? Поэтому он осторожничал, не позволяя себе вольностей в отношении мисс Мэннинг даже в разговоре.

В моих услугах пока не нуждались, поскольку Песцов болтал по-английски свободно. Наверное, в его гимназии был упор не на те языки, что в моей. Или его родители нанимали учителя. Или он сам настолько часто приглашал артисток из Англии, что волей-неволей выучил язык почти в совершенстве. В любом случае меня к общению не привлекали, поэтому я могла лишь прислушиваться к их беседе и смотреть через крошечное окошко на бескрайнюю белую простыню, изредка протыкавшуюся иголками деревьев. Иногда вдали чернели или зеленели заплатки – в зависимости от того, лиственные или хвойные деревья там были. Моя рысь заинтересованно принюхивалась, мечтая о прогулке по мягкому белому снегу. Но еще она и чутко прислушивалась к шумам снаружи. До сих пор не верилось, что удалось выбраться из Ильинска, оставив с носом любящую бабушку. Конечно, это была еще не победа, а лишь шаг к ней. Маленький шаг, крошечный, почти незаметный.

И свобода относительная. К мисс Мэннинг я пока привязана договором, поэтому заниматься тем, чем хочу, не могу, даже оборачиваться в ближайшее время придется только за закрытыми дверями и под кучей защит. Не дай бог, учует кто-то! Вон как Песцов подозрительно водит носом. Или это оттого, что воздух здесь уже спертый? Невыносимо хотелось выбраться наружу: в возке было душно, жарко и все пропахло тяжелыми духами мисс Мэннинг, которые здорово били по обострившемуся обонянию.

– Что-то вы, Анна Дмитриевна, приуныли, – внезапно сказал Песцов.

– Скучно, – пояснила я, недоумевая, чего ему от меня понадобилось. – Я ничем не занята, а пейзаж однообразный.

Мисс Мэннинг и ее горничная переводили взгляд с меня на Песцова. Певичка казалась удивленной. Наверняка тем, что в ее присутствии говорят не с ней, да еще и на языке, ей непонятном.

– Дмитрий, о чем вы говорите? – не выдержала она.

– Спросил у вашей переводчицы, почему ее лицо напоминает прокисшее тесто, – рассмеялся Песцов. – Она ответила, что не привыкла сидеть без дела.

– Пусть не переживает. Еще успеет охрипнуть, – успокоенно сказала мисс Мэннинг. – Не обижайте Анну, пожалуйста. Если она из-за вас уйдет, я тоже уеду, имейте в виду.

– Филиппа, только не говорите, что вы успели к ней привязаться, – удивился Песцов.

– Я не хочу остаться без переводчика посреди бескрайних снегов, – капризно сказала мисс Мэннинг. – Это вам хорошо, Дмитрий, а у меня второго облика нет.

Она величественно поправила меха на плечах, отчего я сразу почувствовала ущербность своих. Нет, мои выглядели прилично. Но только пока рядом с ними не оказывались роскошные меха мисс Мэннинг, которые никто не подвергал усиленной чистке. Следить-то за ними навер-

няка следили: горничная выглядела аккуратной и исполнительской и даже в дороге не сводила глаз с хозяйки – вдруг той что-то понадобится.

– Очень жаль, уверен, он был бы не менее прекрасен, чем первый, – галантно сказал Песцов, опять, к моей радости, полностью переключаясь на мисс Мэннинг. – Вы бесподобны, Филиппа. Вы были бы райской птицей.

Она благосклонно кивнула, и Песцов принялся разливать соловьем, более не обращая на меня внимания. Меня это ни капельки не огорчило. Чем меньше мне уделяют внимания – тем меньше вероятность разоблачения. Я и без того нервно сжималась при веселом перезвоне колокольчиков на дугах проезжавших мимо саней. На машинах, видимо, на такие расстояния зимой ездить не рисковали – за всю поездку не встретилось ни одной, хотя дорога была достаточно оживлена и нам постоянно кто-то встречался.

Ехали мы долго, с остановками и чаем на постоянных дворах, поэтому в конечный пункт прибыли совсем поздно. Чувствовала я себя так, словно лично тащила возок всю дорогу. В голове звенело от непрекращающегося щебета мисс Мэннинг. Похоже, не только у меня. Песцов выглядел не таким счастливым, как в начале нашего путешествия, и потряхивал ушами, когда немного забывался, словно очень громкие звуки туда не только проникли, но и зацепились и теперь причиняли если не боль, то сильное неудобство. Что ж, искусство требует жертв. Кто сказал, что не от него?

– Ужасная дорога, – простонала мисс Мэннинг в довольно большом гостиничном холле, где к нам бросились сразу несколько служащих в униформе, подхвативших ее багаж. Свой саквояж я не выпускала из рук и не доверила бы его никому. – Не могу дождаться, когда наконец доберусь до кровати.

– Филиппа, а ужин? – не слишком настойчиво напомнил Песцов. – Нельзя ложиться спать на голодный желудок. Ваша красота пострадает.

– Закажу в номер что-нибудь, – капризно сказала мисс Мэннинг. – Я за сегодня уже насиделась. Мне нужно лечь. Лечь, закрыть глаза и поспать. Иначе завтра у меня будет жуткая мигрень.

– Дорогая, неужели мне придется ужинать в одиночестве? – с фальшивой грустью спросил Песцов.

– Почему в одиночестве? С Анной, – заявила мисс Мэннинг, довольной улыбкой отмечая вытянувшееся лицо собеседника. – И не возражайте, Дмитрий, я ей обещала, что позабочусь о ее пропитании.

Все проявления радости, возникшие на лице Песцова, когда он понял, что не увидит больше сегодня мисс Мэннинг, испарились.

– Вы собираетесь ей скормить меня? – желчно поинтересовался он. – Никогда бы не подумал, что вы меня настолько ненавидите.

Мисс Мэннинг рассмеялась красивым серебристым смехом, нежным колокольчиком раскатившимся по гостиничному холлу, и положила ручку на плечо ухажеру.

– Какой вы злюка, Дмитрий, – погрозила она пальчиком в лайковой перчатке. – Учтите, если вы будете плохо относиться к Анне, непременно об этом пожалеете.

– Только ради вас, – мрачно согласился Песцов и продолжил по-русски: – Анна Дмитриевна, скажем, через полчаса встречаемся в холле.

– Извольте говорить при мне на том языке, который я понимаю, – капризно бросила мисс Мэннинг. – Анна, что от вас хотел Дмитрий?

– Назначил мне свидание в холле через полчаса, – невозмутимо ответила я.

– Не свидание, а встречу! – оскорбленно рявкнул Песцов. – Я начинаю сомневаться в вашей способности к точному переводу.

– Вы не уточняли, – заметила я. – А я женщина одинокая, вдовая, мне нужно думать об устройстве личной жизни. Вот и думаю.

Песцова перекосило до неузнаваемости, что вызвало прямо-таки приступ веселья со стороны мисс Мэннинг.

– Анна Дмитриевна, свидание с вами мне может только в страшном сне присниться, – бросил он.

– Строго говоря, вы тоже не мечта одинокой женщины, но в моем возрасте нужно брать что дают, – философски заметила я.

Мисс Мэннинг элегантно приложила руку ко рту, борясь с желанием неприлично захохотать на весь холл. И я ее понимала, стоило только взглянуть на лицо Песцова. Конечно, плохо дразнить одного из возможных женихов, но удержаться не было никакой возможности. Рысь внутри решила, раз уж не выпускают, поиграть хоть так. Но Песцов игры не принял.

– Филиппа, уверен, Анна тоже прекрасно поест у себя в номере, благо я ей оплатил отдельный.

– Дмитрий, – угрожающе сказала мисс Мэннинг, – моя голова начинает болеть. Решайте этот вопрос с Анной. При чем тут я?

Она царственно кивнула и пошла к лестнице, оставив опешившего организатора ее турне по России переваривать приказной тон. Пожалуй, со стороны мисс Мэннинг это было ошибкой: наверняка незаменимых актрис для Песцова не было, а уж тех, кто ставил его в глупое положение, он менял даже чаще, чем в среднем по палате.

– Я понял, – прошипел он, приблизившись ко мне почти вплотную и перейдя на русский язык, – вы собираетесь меня скомпрометировать. Чтобы от моей репутации не осталось даже огрызков, когда решат, что я связался с вами.

– Ни боже мой, Дмитрий Валерьевич. Сами подумайте, могу ли я вас скомпрометировать на фоне мисс Мэннинг? Рядом с ней остальные женщины не котируются. Итак, что мы решаем? Вы оплачиваете мне ужин в номер?

– Я вам достаточно заплатил, чтобы вы оплачивали свои ужины сами.

Но на эти деньги у меня уже были вполне определенные планы, поэтому я лишь отметила:

– Боюсь, мисс Мэннинг это не понравится.

Довод был слишком веским, чтобы Песцов к нему не прислушался. Он с тоской огляделся, но, похоже, сегодня единственными дамами были мы с мисс Мэннинг, поэтому он пришел к выводу, что для его репутации лучше на виду у всех поужинать с переводчицей и показать свое к ней отношение, чем оплачивать ей ужин в номер.

– Хорошо, через полчаса в холле, – буркнул Песцов. – Но чтобы никаких намеков. Вы на себя давно в зеркало смотрели, Анна Дмитриевна, чтобы со мной флиртовать?

– Флиртовать с вами, Дмитрий Валерьевич, да вы с ума сошли? – фыркнула я.

Но дразнить его больше не стала, пошла к себе в номер. Он находился на этаж выше, чем у мисс Мэннинг, и наверняка не был таким шикарным, как у нее. Но мне и этого было достаточно. Постоянно подпитывать изменение внешности и щит, отбивающий запахи, оказалось необычайно трудно. Мне требовалась небольшая передышка.

Я сбросила одежду и перетекла в рысь. Возможно, зря, потому что меня тут же оглушило множеством запахов, приятных и не очень. Я чихнула и немного поиграла кисточкой на декоративной подушке, чтобы хоть так удовлетворить рвущуюся наружу потребность одной из своих половин. Кисточка неожиданно оторвалась, что меня ужасно огорчило, и я подумала, что стоит на такой случай возить с собой веревочный мячик, а то кисточек в гостинице не напасешься.

В человека я вернулась с некоторым сожалением, но этого никак нельзя было избежать. Нужно было поторапливаться, чтобы успеть к сроку. Ничего, сейчас быстро поужинаю и опять останусь одна.

В холл я спустилась, чуть успокоившись и освежившись. Осанка строгая, волосы затянуты – никто не забудет, что я на работе. Как ни странно, Песцов меня уже ждал и даже встал

при моем появлении, но руку не подал, не посчитал достойной спутницей, лишь сухо кивнул, показывая, что заметил.

– Вы меня необычайно злите, Анна Дмитриевна, – неожиданно почти пролаял он, когда мы уже сидели за столом и ждали заказ. – Почему?

– Вы у меня спрашиваете? – удивилась я. – Вам лучше знать. Психолог наверняка сказал бы, что я вам напоминаю что-то неприятное или, напротив, нравлюсь.

Он забавно дернул носом.

– Нравитесь? Ну у вас и самомнение, дорогая. Впрочем, будь вы лет на тридцать моложе... – Он выразительно окинул меня взглядом, в этот раз не ограничившись только осмотром лица, задержался на руках, на которых остались следы чернильных пятен. – Или на двадцать...

Задумчивость его мне не понравилась. Изменяла я только лицо, а все остальное было мое и наверняка не слишком подходило к выбранному образу, но тут уж я ничего поделать не могла, не так уж хорошо я наводила иллюзии, чтобы менять сразу все. Но руки – это не лицо. Может, я за ними хорошо ухаживала, чураясь грязной работы? Или вообще Песцов думал совсем о другом, глядя на мои руки, и не замечал их состояния? Да даже если и заметил, главное, чтобы не посчитал важным.

– А вы знаете, Анна Дмитриевна, что-то в вас есть этакое...

– Вы геронтофил, Дмитрий Валерьевич? – любезно улыбнулась я, надеясь, что уж этим определением я его пристукну так, что он надолго забудет об интересе ко мне.

– Кто? – вытаращился он.

– Тот, кто влюбляется исключительно в пожилых женщин. Испытывает, так сказать, нездоровую тягу к ним.

Руки я спрятала под стол и молила бога, чтобы официант как можно скорее принес заказ. Тогда Песцов отвлечется на еду и прекратит меня разглядывать. А то раз поглядит, два – и вся конспирация полетит коту под хвост. Или в данном случае – песцу. Конечно, он меня снабдил деньгами для экстренного бегства, но это не дает ему права лезть в мои тайны.

– Слышала бы вас сейчас мисс Мэннинг...

– Хотите сказать, что тяга к ней здоровая?

– Она не может считаться пожилой, – возмутился Песцов.

– Так и я об этом. – Я невинно похлопала глазами. – Мисс Мэннинг красивая молодая дама, а значит, вас к ней тянет совершенно нормально. Тянет же?

– Тянет, – усмехнулся Песцов, не сводя с меня внимательных глаз.

– Значит, с вами все в порядке.

Наконец появился официант с нашим заказом, и мы с Песцовым приступили к тому, зачем, собственно, сюда пришли, – к ужину. Я старалась побыстрее закончить, чтобы уйти к себе и придумать, что сделать с руками. Или теперь уже ничего делать не нужно, а то подозрений не оберешься? В расстройстве я даже доедать все не стала, пожелала Песцову приятного аппетита и встала, намереваясь уйти.

– И все-таки вы меня бесите, Анна Дмитриевна, – вместо прощания сказал Песцов. – Что-то с вами не то. Нутром чувствую, а объяснить не могу. – Он грозно нахмурился и бросил: – Постарайтесь поменьше попадаться мне на глаза. Не до ваших загадок сейчас.

Хотя хотелось вылететь из ресторана пулей, я шла неторопливо, помня, что Песцов на меня смотрит, а он и так подозревает меня невесть в чем. Бешу я его, видите ли! Он меня тоже бесит. Не потому ли, что один оборотень чует другого даже через отвод и хочет показать, кто здесь главный? Нужно держаться от него подальше, пока он не сложил два и два.

По дороге я зашла к мисс Мэннинг спросить, нужна ли я буду сегодня певице. Дверь открыла горничная и прошептала, что мисс Мэннинг утомилась и спит. Мы договорились, что утром горничная ко мне забежит и сообщит, когда хозяйка проснется, после чего я с чистой

совестью поднялась к себе, заперлась, оставив ключ в замке и чуть повернув, чтобы его нельзя было вытолкнуть. Я чувствовала, что если сегодня не побуду рысью подольше, то не смогу ни отдохнуть, ни успокоиться.

Я разворошила постель, создав там уютное гнездо, насколько это можно было сделать с накрахмаленным бельем, разделась и прыгнула, в прыжке перетекая в рысь. Потянулась, подумала, не бежать ли хотя бы по периметру комнату, но полный живот тянул к матрасу, и я решила с ним согласиться.

Сон пришел сразу, и был он несколько странным. Сначала казалось, что вокруг непроницаемая темень, словно кто-то вылил бутылек самой черной туши и покрасил все в один цвет без полутонов. Затем ко мне начал приближаться свет – яркий, почти такой, как в святилище Велеса. Но не такой. Велесовское сияние было теплым, это – холодным, но сомнений в том, что в мой сон пожаловал бог, не возникло. Силуэт был уже совсем рядом, но черты были неразличимы: свет слепил даже во сне, мешая не только смотреть, но и думать. А еще он подавлял. Я казалась себе маленькой и слабой, хотелось упасть на колени и молить о прощении. Но я лишь задрала хвост, насколько позволяли его размеры, и расставила лапы пошире, чтобы уверенней на них держаться.

– Пришло время исполнить договор, – прогремело так, что волосы встали дыбом везде: от кончиков ушей до кончика хвоста.

– Какой договор?

– Ты забыла?

– Забыла, – легко согласилась я. – Вы же сами заблокировали мою память. – Почему-то я была уверена, что блок поставил именно этот бог. – Поэтому вам придется напомнить, о чем мы договаривались. И вернуть мою память. Это наверняка в договор не входило. Что я должна сделать?

– Вернуть принадлежащее мне и не принадлежащее этому миру. Произнести нужные слова над нужным предметом.

– Как я произнесу, если их не помню?

– Ты вспомнишь сразу, как возьмешь в руки, – резко сказал он. – И память к тебе тогда тоже вернется. Вся полностью и без купюр. Печать будет сорвана. Иначе нельзя.

Что-то мне подсказывало, что он лукавит. И что в нашем договоре что-то пошло не так. Я бы не согласилась занимать чужое тело, оставляя свое умирать. От перемещения души ее суть не меняется.

– Где я должна брать этот нужный предмет?

– Это знает прежняя владелица этого тела.

– У меня нет доступа к ее знаниям.

Но я и без них заподозрила, что этому типу нужен тот же артефакт, на который в последнее время претендуют все кто ни попадя. И не факт, что кто-то из них имеет на него право. Включая этого сияющего.

– У тебя есть доступ к ее телу. Этого достаточно.

Как ни странно, я начинала злиться, отчего страх почти полностью прошел.

– Достаточно для чего? Вы говорите загадками, как в старых сказках: пойдти туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Как выглядит то, что мне нужно взять в руки?

– Я не знаю, как оно выглядит в этом мире. Лишь вижу связь с этим телом. Ты должна исполнить договор.

– Как, по-вашему, я его исполню? – недовольно фыркнула я. – Я не знаю ни где предмет, ни как он выглядит. Более того, он остался там, откуда я уехала. Почему вам было не появиться тогда, когда я еще была в Ильинске?

– Я не мог там до тебя достать, – неохотно сказал бог. – Ты меня не слышала. Там слишком силен другой.

– Теперь слышу, но я не там.

– Значит, ты должна вернуться и исполнить, – завел он шарманку.

– Давайте договоримся, что я вернусь, как только вы четко скажете, что и где я должна взять в руки. Или через четыре года, когда я стану неподвластной клану Рысыных. Связь же никуда не денется за это время, а вы наверняка уже столько прождали, что...

Он исчез столь внезапно, что я не успела договорить. С ним исчезли чернота, давящая тяжесть и желание бежать немедленно выполнять его требования. Прямо на коленях бежать, на которые я должна была встать, умоляя о прощении за неисполнительность. Неприятный какой-то бог. Почему-то показалось, что ушел он не сам, а ему помогли, вытолкнули из этой реальности, пусть даже здесь он был не сам. Ибо будь он здесь, одними угрозами дело бы не ограничилось, меня наверняка бы распотрошили, чтобы подцепить конец связи и выйти на тот загадочный артефакт, который так мешал моей жизни в этом мире. Не может же такого быть, что та Лиза внезапно оказалась ключом к двум предметам. Похоже, если передавать этот артефакт, то только тому, кому желаешь долгой и мучительной смерти...

Глава 3

Не знаю, заметила ли мисс Мэннинг, что я раздражаю Песцова, но ее вполне устраивало, что я иду не рядом с ними, а чуть сзади и никак не участвую в разговоре. Шли мы втроем, поскольку горничная осталась в гостинице заниматься нарядом для выступления, а Песцов уверил, что в театре полностью готовы к приему именитой гостьи и уж чай найдется кому подать. При этом он столь ехидно на меня посмотрел, словно был уверен, что в случае чего носиться по поручениям дивы придется мне.

– Вот мы и пришли, – гордо возвестил он.

Почему-то я думала, что театр непременно должен быть либо из кирпича, либо из камня с огромными колоннами, подпирающими архитектурные конструкции, названия которых в моей памяти пока не всплыли. Впрочем, вполне возможно, что их там никогда и не было: я сильно сомневалась, что имела хоть какое-то отношение к архитектуре или строительству. Да и неважно это было совершенно, поскольку театром, в котором предстояло выступить мисс Мэннинг, оказалось здание, сложенное из бревен. Здание было красивое, двухэтажное, украшенное множеством резных элементов, местами выглядевших почти нематериальным кружевом, и одного взгляда на него хватало, чтобы в голове сами собой начинали всплывать русские сказки с Серым Волком, Жар-птицей и Царевной-лягушкой. Но мисс Мэннинг этой красотой не прониклась, поскольку наверняка читала в детстве другие сказки.

– Дмитрий, вы серьезно хотите, чтобы мое выступление прошло в этом?.. – Она остановилась перед дверью, показывая, что никакие силы не заставят ее войти внутрь. – Это нарушение договора! Жесточайшее нарушение.

Руки певица скрестила на груди, насколько это позволяла зимняя одежда, а подбородок задрала так, словно собиралась смотреть на Песцова сверху вниз. Разумеется, когда он упадет перед ней на колени, моля о прощении.

– В чем дело, Филиппа? – удивился тот. – Прекрасное здание. Из настоящей лиственницы. А как в нем дышится...

Он с силой втянул в себя воздух, показывая, с каким удовольствием он начнет дышать, когда наконец окажется внутри.

– Это неуважение ко мне, – капризно сказала мисс Мэннинг. – Я не могу выступать в таких условиях, это отрицательно скажется на моей репутации. Это не дом. Это сарай.

Она пренебрежительно посмотрела на почерневшие стены. Был бы в руках зонтик – непременно потыкала бы, показывая свое отношение. Но увы, зонтика не было, пришлось обходиться взглядами.

– Филиппа, дорогая, что вы такое говорите? – Песцов придвинулся к ней вплотную. – Это же бывший княжеский терем.

– Терем?

– Терем – это почти дворец. Посмотрите с другой стороны, Филиппа, вы будете выступать в настоящем дворце. Здесь жил целый княжеский род.

– Хм...

На ее месте я бы тоже засомневалась. Терем был симпатичный, но на дворец никак не тянул. Размаха не хватало. И резных каменных колонн – тоже.

– Это старинное здание, с давней историей.

– Оно деревянное, – заметила мисс Мэннинг. – О какой давней истории вы говорите, Дмитрий?

– Лиственница. – Песцов уважительно похлопал по бревну. – Она почти вечная. Главное – зачаровать против возгорания и не забывать конопатить щели. Деревянные дома в наших широтах – самые теплые, поверьте, Филиппа.

Верить она не собиралась. Еще раз осмотрела здание и еще раз осталась недовольна увиденным.

– И где теперь тот княжеский род, что здесь жил? – недоверчиво спросила мисс Мэннинг.

– Соболевы? Размножились так, что им теперь и десятка таких домов будет мало, – скривился Песцов. – Подмяли под себя почти всю добычу мехов. И почти все зверофермы.

Информация была интересной. Не хотели ли Песцовы сбавить Рысьиным со своим представителем нерентабельный магазин? Действительно, как он мог быть рентабельным, если все приглашенные певички расхаживают в мехах? Вон как мисс Мэннинг при упоминании сферы влияния Соболевых задумчиво погладила свои, наверняка вспоминает, как достались.

– Но здесь, в этом городе, они же где-то живут? – продолжала допытываться мисс Мэннинг.

Песцов бросил беглый взгляд на стоящий неподалеку особняк, с куда большим правом могущий называться театром, и сказал с совершенно честным выражением физиономии:

– У них огромное загородное поместье, Филиппа. Видите ли, оборотням нужно время от времени выпускать погулять зверя. А Соболевы в этом плане слишком непредсказуемые, чуть что – скалят зубы и пытаются вцепиться в горло. Плохой контроль, что с них взять.

Он пренебрежительно фыркнул и махнул рукой в сторону, противоположную особняку, чтобы наверняка отвлечь мисс Мэннинг. Но певица догадалась, что ее пытаются надуть, и нахмурилась. Она посмотрела на тот дом и повелительно указала на него:

– Мне кажется, Дмитрий, что настоящий театр там, а сейчас вы меня разыгрываете. Я не буду петь здесь, я буду петь там. – Она капризно округлила рот. – Иначе это будет нарушение контракта и вам придется платить мне штраф.

Она притопнула ботиночком по снегу, оставив круглую, хорошо различимую вмятинку, и вызывающе посмотрела на Песцова. Он же, в свою очередь, почти с ненавистью взглянул на меня, хотя я весь этот занимательный разговор промолчала и даже дышать старалась через раз. И все же мое присутствие почему-то взбесило Песцова до такой степени, что он окончательно перестал сдерживаться.

– Неужели? – выверился он. – Филиппа, вы не находите, что это уже переходит все границы? Или вы немедленно идете репетировать туда, куда я указал, или штраф придется платить уже вам за сорванный по вашей вине концерт! Я вам не собачка, чтобы прыгать вокруг вас на задних лапках! До вечера, мисс Мэннинг!

Он треснул тростью по балясине крыльца, развернулся и рванул от нас с такой прытью, словно у него внезапно включился двигатель внутреннего сгорания, в котором в качестве топлива использовались накопившиеся злость и раздражение. И похоже, топлива было так много, что хватило бы до Ильинска. Впрочем, скорее всего, спускать пар Песцов будет куда ближе.

– Дмитрий, вы куда? – испуганно спросила мисс Мэннинг, враз растеряв всю уверенность. – Анна, что это с ним?

Песцов на ее призыв не обратил внимания и если и свернул в переулок, то не потому, что хотел уйти из зоны видимости, а потому, что так наверняка было ближе к цели. У меня были предположения, куда он бросился, задрав хвост, но делиться ими с мисс Мэннинг я была не готова. Не слишком приличные предположения это были.

– Не выпался, наверное, – пожала я плечами. – А возможно, напротив, выпался, поэтому и в плохом настроении.

Сама же я чувствовала себя несколько разбитой. Пожалуй, зря я решила поспать рысью, поскольку, как выяснилось, в этом облике мне снятся странные сны. Был ли сегодняшний сон кошмаром или со мной действительно говорила некая божественная сила? Я предпочитала все мысли об этом отодвигать подальше. Вот если приснится второй раз, тогда и буду думать.

– Мы возвращаемся в гостиницу?

– Что? А, нет, конечно.

Мисс Мэннинг недолго смотрела в сторону, куда сбежал антрепренер, вытащила руку из муфты и решительно постучала в дверь. Платить штраф она явно не собиралась.

– Чего надоть?

Открывший нам мужик словно сошел с лубочной картинки. С одной стороны, он идеально подходил к терему, с другой – был несколько нарочит. Во всяком случае, до сего дня я не видела никого в косоворотках и штанах, подпоясанных вышитыми поясами. Впрочем, в театрах я тоже не была. Во всяком случае, в этом мире.

– Мисс Мэннинг хочет посмотреть подготовленное для нее помещение, – оттарабанила я, не дожидаясь слов нанимательницы.

– Сейчас узнаю.

Он захлопнул дверь прямо перед носом уже вознамерившейся войти певицы так, что та отшатнулась и возмущенно на меня посмотрела:

– В чем дело, Анна? Что вы ему сказали?

– Он пошел узнавать, можно ли вас впустить, – пояснила я. – Похоже, о вашем прибытии ему не сообщили.

Мисс Мэннинг развернулась и сузившимися глазами посмотрела в сторону, куда удрал Песцов. Ох, сдается мне, одним скандалом дело не ограничится.

– Что значит – не сообщили? – прошипела она. – Концерт завтра по графику. Мне нужно и осмотреться, и порепетировать. Партитуры им были высланы, но я должна убедиться, что исполнение аккомпаниатора мне подходит. Все. Теперь мистер Песцов не скажет, что я нарушаю контракт. Анна, мы возвращаемся.

Она царственно развернулась, но в этот момент дверь распахнулась, выпустив даму в накинутой на плечи шубке. Мощная грудь, распирающая лиф лилового атласного платья, вздымалась от избытка чувств, нахлынувших при виде приезжей певицы.

– Ох, мисс Мэннинг, наконец-то, мы вас так ждали, так ждали. Проходите же. А господин Песцов, где он?

Она приподнялась на цыпочки в попытках разглядеть за нашими спинами отсутствующего Песцова. Не увидела. Посмотрела направо, налево и уставилась на нас в полнейшем недоумении.

– Что она говорит? – вздохнула певица, сообразив, что теперь вернуться просто так не получится.

– Радуетесь, что вы наконец приехали, и просит проходить, – пояснила я и обратилась к встречающей нас даме: – Мисс Мэннинг и господин Песцов немного повздорили. Он разозлился и бросил нас перед театром.

– Господин Песцов? – изумилась та. – Разозлился? Быть того не может. Он такой милый. Да проходите же, наконец, мисс Мэннинг! Незачем мерзнуть на улице.

Она потянула певицу за рукав, и та неохотно, но двинулась за ней. Завершала процессию я, привычно устроившись за чужими спинами. Коридор внутри здания был тщательно оштукатурен и ровно покрашен, так что ничем не отличался от своих собратьев в каменных домах. А уж портретов там было повешено! Наверняка какие-нибудь знаменитости.

Но само здание выглядело нежилым, если так вообще можно говорить о театре. Тут царил не дух искусства, а почти могильная тишина.

– Гришка, сбегай за аккомпаниаторшей, – скомандовала дама встретившему нас мужику. – И быстро. Чтобы, пока я покажу мисс Мэннинг театр и ее гримерку, она была уже здесь.

– Чего сразу Гришка-то? – занял тот.

– Выгоню, – грозно бросила дама и так взглянула на подчиненного, что того словно ветром сдуло. И тут же ласково: – Мисс Мэннинг, хотите чаю?

Предложение сопровождалось столь сладкой улыбкой, будто именно ее предполагалось подавать к чаю вместо меда. Я перевела. Певица посмотрела так, словно ее глубочайше оскорбили, и высокомерно протянула:

– С кем имею честь?

– Ох, я не представилась? Соболева Ксения Андреевна.

– Соболева? – уловила мисс Мэннинг, сразу вспомнившая, кому принадлежало, а возможно, и ныне принадлежит это здание.

– Да-да, – часто закивала дама. – Соболева. Это моя племянница – невеста наследника российского престола.

Ее слова вызвали у меня некоторое сомнение. Засомневалась и мисс Мэннинг, которой я перевела в точности.

– Неужели племянница? – протянула она с недоверием. – Родная?

– Двоюродная, – сказала Ксения Андреевна со столь честным видом, что и сомнения не возникло: родство еще более дальнее. – Но Сонечка мне почти как дочь. Я ее знаю с младых ногтей. Вот такусенькой.

Она показала рукой у самого пола, специально присев для этого. Судя по показанному расстоянию, помнила она свою племянницу еще со времен эмбриона, потому что даже во второй ипостаси та была наверняка крупнее. Если, конечно, она не Мышкина или Хомяčkова. В звериных родах всякое может быть...

– Хм...

Выразительность этого междометия была многократно отработана на Песцове, поэтому Соболева моментально выпрямилась, чуть зарозовев то ли от стыда, то ли от непосильной для ее комплекции и возраста физической нагрузки.

– А Дмитрий Валерьевич не сказал, когда подойдет? – оскорбленно спросила Ксения Андреевна почему-то у меня, хотя я как раз никак не выразила свое отношение к ее рассказу.

– Вечером, – припомнила я. – До этого времени мисс Мэннинг собиралась тут все осмотреть и убедиться в соответствии контракту.

– Да что осматривать? – удивилась Ксения Андреевна. – Все сделано в точности, как Дмитрий Валерьевич написал, так можете и сказать мисс Мэннинг. Кстати, как я к вам могу обращаться?

– Анна Дмитриевна Павлова.

– Павлова? – оживилась она. – А вы не из этих Павловых?..

– Нет, – твердо ответила я.

Соблазн согласиться появился, но ничего ни про каких Павловых я не знала, поэтому приписываться к ним было чревато. Мало ли чем они были известны? Вдруг на досуге потрошили собачек и не только? Нет уж, мне чужой славы не нужно, мне бы своей не заработать.

За разговором мы дошли до кабинета, на котором висела важная латунная табличка: «Соболева Ксения Андреевна. Директор».

– Проходите же, – широко улыбаясь, распахнула она перед нами дверь. – Поговорим, обсудим.

– Я бы хотела осмотреть свою примерку, – сурово сказала мисс Мэннинг и сдвинула брови. – Возможно, в дальнейших переговорах уже не будет необходимости.

Она застыла перед дверью кабинета, справедливо решив, что это не то помещение, которое ей нужно, поскольку вместо зеркала и гримировального столика там находились письменный стол, несколько книжных шкафов и сейф, окутанный четкими сложными магическими плетениями. Здесь есть что держать в сейфе? Никогда бы не подумала!

– Первым делом мисс Мэннинг хочет удостовериться, что примерка соответствует ее требованиям, – пересказала я просьбу нанимательницы, немного смягчив слова.

– Боги мои, да чего ж ей не соответствовать? – удивилась Ксения Андреевна. – Никто не жаловался. Нет, я прекрасно понимаю, что мисс Мэннинг – величина мирового уровня... Вы переводите, переводите... но мы сделали все, чтобы ей было комфортно в нашем скромном театре. К сожалению, постоянной труппы у нас сейчас нет, поэтому мы выделили ей лучшее помещение.

– Хм... – сказала мисс Мэннинг и посмотрела на потолок. Но тот был чист и не имел ни малейших повреждений. – Давайте все-таки туда пройдем.

По всей видимости, оскорбленная дива искала повод либо разорвать контракт с Песцовым, либо получить от него извинения. Выглядела она сейчас холодной и неприступной, словно айсберг, что еще усиливалось белоснежным песцовым палантином на плечах, и комплименты Соболевой ее никак не смягчали. Напротив, с каждым восхвалением мисс Мэннинг все больше преисполнялась чувством собственной значимости и все больше убеждалась, что слишком хороша для этой дыры. Дыры, где даже нет местной театральной труппы.

Гримерка оказалась на удивление приличной. В левом углу стояла резная вешалка, в правом – корзина, полная розовых роз какого-то экзотического сорта, одуряюще пахнувшего. Я было подумала, что цветы, от которых сразу хочется чихать и шмыгать носом, вполне могут послужить поводом для скандала, и внутренне напряглась. Но мисс Мэннинг к розам отнеслась с одобрением и не приказала убрать. Как я узнала потом, это было одним из ее требований. Она достала из муфты сантиметровую ленту и тщательнейшим образом перемерила помещение и зеркало на гримировочном столике. К ее глубокому сожалению, они тоже оказались не меньше требуемых. И даже светильник у зеркала, работающий на магии, был исправен и давал ровный теплый свет.

– Мы же все сделали как нужно? – чуть заискивающе поинтересовалась Соболева. Ох, кажется мне, что со старшими в роду она общается очень редко, если вообще общается. Тем, кто в фаворе, не выделяют неработающее предприятие. – Если есть какие-нибудь недочеты, мы непременно исправим.

– Хм... – бросила мисс Мэннинг и огляделась. – А почему здесь такое маленькое окно?

– Ради вашего удобства, – неуверенно сказала Соболева. – И дуть не будет, и никто лишний не полезет.

– А что, бывает, кто-то залезает? – удивилась певица, на которую вид и аромат роз произвел воистину успокаивающее действие.

– Мы всячески пытаемся обеспечить вашу безопасность, – после краткой заминки ответила Соболева, так и не решившая, что будет лучше: сказать, что к ним никто не залезает, и тем самым показать, что окно могло быть и побольше, или сказать, что лазят постоянно, и тем самым испортить репутацию собственного города. – Мы уверены, что никакие меры предосторожности не будут лишними, когда речь идет о столь красивой и талантливой певице, мисс Мэннинг. Анна Дмитриевна, вы в точности перевели мои слова?

– В точности, – подтвердила я.

Да это было понятно и по виду мисс Мэннинг, которая наконец начала оттаивать и смотреть на собеседницу все с большей благожелательностью. За чаем, на который Соболева ее таки уговорила, они болтали уже почти как две близкие подруги. Почти – потому что общение шло через меня, а то бы они непременно развернулись. Во всяком случае, опосредованность общения не помешала им обсудить пару политических сплетен, до которых обе оказались весьма охочи. Я же в их полунамеках была не сильна. Строго говоря, я почти ничего не понимала, хотя тщательно вслушивалась и запоминала: мало ли что пригодится, когда скрываешься от одного из кланов.

Наконец подошла аккомпаниаторша, чем-то напомнившая Тамару Яцкевич, такая же худенькая и терявшаяся в присутствии посторонних. Но за роялем она развернула плечи, и музыка из-под ее пальцев полилась широким красивым потоком. Мисс Мэннинг начала репе-

тицию, а мы с Ксенией Андреевной устроились в середине зрительного зала, кстати, не такого уж маленького. Голос певицы оказался богатым, бархатным, я бы даже сказала, завораживающим. Арии были незнакомы, но послушать мне не дали.

– Так что случилось с Песцовым? – прошептала Соболева. – Не поверю, что он сорвался из-за очередной артисточки. Вы же из Ильинска приехали? Ходят слухи, что у Рысыных на выданье весьма перспективная девица, а Песцову отказали от дома. Там что-то было? Ну, между ним и Рысиной?

Я в полном обалдении повернулась к директрисе. Ее глаза поблескивали в полумраке жадным любопытством. Да такой что ни скажи – все обратит против.

– Понятия не имею, – ответила я почти равнодушно. – Я в Ильинске проездом и даже не знаю, виделись ли вообще господин Песцов с госпожой Рысиной.

– Но не просто же так ему от дома отказали? – продолжала допытываться Соболева. – Точно в этом замешана младшая Рысына. Помяните мое слово: если в ближайшее время состоится свадьба, то менее чем через год в их семействе прибавится один песец. Уж этот прохиндей своего не упустит, поверьте.

– Нельзя ли потише?! – капризно крикнула мисс Мэннинг. – Дамы, вы мне мешаете.

– Молчим, молчим, – заверила ее Соболева, заговорщицки мне подмигнула и прошептала: – Чувствует, что любовник остыл. Ревнует. Я бы на ее месте тоже ревновала к сопернице с двумя ипостасями. Кто она и кто мы? Ой, простите, милочка, я не хотела вас обидеть.

Но я не обиделась. Я испугалась: если мое имя действительно связывают с именем Песцова, то какие слухи разлетятся, когда выяснится, что я пропала в тот же день, когда Песцов уехал из Ильинска? Конечно, княгиня вряд ли свяжет мое исчезновение с этим типом, но все же... Все же мне совсем не хотелось, чтобы когда-нибудь выплыло на всеобщее обозрение, что я покинула город именно с ним. Подробности придумают такие, что существование мисс Мэннинг окажется похоронено под толстым слоем выдумок.

Глава 4

Песцов появился только на следующий день, когда мы с нанимательницей позавтракали и спустились в холл, поскольку она выразила желание пройтись и осмотреть город. Он ворвался сгустком энергии и выглядел довольным даже не как песец – как слон. Окинул меня пренебрежительным взглядом и заявил, что до обеда они с мисс Мэннинг прекрасно обойдутся без переводчика.

– Сходите, Анна Дмитриевна, погуляйте по городу, – насмешливо бросил он. – Когда еще у вас выдастся свободная минута.

– Меня нанимали не вы, а мисс Мэннинг, – возразила я. – Следовательно, и распоряжается моим временем тоже она.

Но Песцов уже наклонился к уху певицы, которая, недовольно поджав губы, слушала незнакомую речь, и заворковал на привычном ей английском про красоту утра, города и самой мисс Мэннинг. И что все эти три красоты непременно должны сойтись вместе.

– У меня репетиция перед вечерним выступлением, – с легкой долей кокетства возразила певица.

– Дорогая, госпожа Соболева мне рассказала, с какой самоотдачей вы вчера все проверили и отрепетировали. Лишнее напряжение связок перед концертом вредно. Но если хотите, после обеда мы с вами зайдем на часок в театр.

Он поднес ее ручку в тончайшей кружевной перчатке ко рту и нежно прикоснулся губами. Картина была идиллическая, но мне почему-то подумалось, что удовольствие ему вряд ли это доставило: целовать ткань наверняка не слишком приятно. Вдруг она пыльная или грязная? Словно в подтверждение моих слов, Песцов неожиданно чихнул и с неприязнью посмотрел на меня.

– Филиппа, дорогая, уверен, у меня аллергия на вашу переводчицу.

– Возможно, это у вас так проявляется простуда? – невинно поинтересовалась я. – Бегали же вы где-то вчера весь день. А сейчас не лето. Подмерзли, переохладились – и вот результат.

Мисс Мэннинг отскочила от Песцова как ошпаренная.

– Дмитрий, как вы могли подойти ко мне с инфлюэнцей? – возмутилась она. – Мне нельзя болеть. У меня гастроли и контракт. С вами контракт. Если я заболею, буду считать нарушение контракта вашей стороной, поскольку заразили меня вы. Уходите, и чтобы я вас не видела, пока не выздоровеете.

– Филиппа, да я совершенно здоров! – рявкнул Песцов так, что мне захотелось вжаться в стену и исчезнуть. – Не слушайте вы эту... свою переводчицу. Она вам еще не того переведет и придумает.

– Чихали же вы не просто так? – настороженно напомнила не желавшая успокаиваться певица. – Мне чихать никак нельзя.

– Мне в нос что-то попало. И это что-то – не инфлюэнца! – буркнул Песцов. – Филиппа, дорогая, давайте прогуляемся. А потом я отведу вас на обед в одно примечательное место. Уверен, вам понравится. А миссис Павлову мы оставим тут.

Он взглядом пригвоздил меня к стене, одним видом намекая, что если я опять брякну что-то неподходящее, то пришьпилит по-настоящему и оставит украшать моей мумией данную гостиницу. Княгиня говорила, что кланы над законом, не хотелось бы проверять, насколько высоко они над ним расположились и могут ли поплевывать вниз. И меня не успокоит даже то, что моя смерть ему даром не пройдет. Рысьины не простят мое убийство какому-то там Песцову. Но тогда точно выяснится, что я из Ильинска уехала именно с ним. А это непременно обидит Николая. Он точно поймет все неправильно.

– Анна, до обеда вы свободны, – милостиво кивнула мисс Мэннинг.

– До концерта, – поправил Песцов. – Милая, зачем она нам на обеде?

Ясно, он просто хочет на мне сэкономить. Я чуть презрительно улыбнулась, давая понять, что разгадала его замысел. Мелкая экономия, недостойная представителя крупного клана. На певчих-то он не экономит. Впрочем, я ничуть не расстроилась. День вчера выдался напряженным, спать, перекинувшись в рысь, я не рискнула, лишь чуть-чуть размялась утром. Зато сейчас они уберутся, и я побегаю по номеру. Или сначала купить мячик, а потом побегать?

– Хорошо, до концерта, – согласилась мисс Мэннинг. – Но если вы меня опять обидите, Дмитрий...

– Я? Вас? Филиппа, как вы могли такое обо мне подумать? – оскорбился Песцов. – А вот вы постоянно пытаетесь меня обидеть. Скажите спасибо, что я умею держать себя в руках...

– Хм... – Мисс Мэннинг выразительно подняла свои четко очерченные брови. Говорить спасибо она точно не собиралась. – Дмитрий, так мы идем?

– Одну минуту, дорогая.

Песцов снял руку дивы со своего локтя, на которой та уже успела уютно устроиться, и опять поцеловал. В этот раз я заметила, что настоящим поцелуем там не пахло: просто легкий чмок воздуха прямо над тканью. Вот ведь... песец!

Тем временем Песцов деловито подошел к портье и наклонился к нему, собираясь узнать что-то втайне от нас. Подслушивающее плетение сорвалось с моей руки само, и мне оставалось только порадоваться, сколь быстро и точно оно теперь получается.

– Послушайте, милейший, – прошептал Песцов, двигая купюру невидного мне отсюда достоинства в сторону портье, – не могли бы вы мне помочь в одном деликатном деле?

– Разумеется, – не моргнув глазом, ответил милейший, и купюра совершенно волшебным образом дематериализовалась со стойки. – К вашим услугам. Но если вы беспокоитесь о мисс Мэннинг...

– Что вы, что вы, мне не нужно подробностей ее личной жизни, – сразу откrestился Песцов.

– Так нет никаких подробностей, – с сожалением сказал портье, явно расстроенный, что сплетни не получается. – К мисс Мэннинг только цветы приносили, и те от театра.

– Я же сказал, речь не о ней, – раздраженно прошипел Песцов. – Меня интересует, кто в гостинице сейчас из наших, клановых.

– Только вы, господин Песцов-с, – угодливо склонил голову портье.

– Я про дам.

Песцов оглянулся, проверяя, не подошел ли кто сзади убедиться в том, что кто про что, а он все про дам. Я торопливо отвела глаза, чтобы он не понял, что подслушиваю. А разговор занимательный. Понять бы, зачем ему к мисс Мэннинг еще дамы? Ему что, одной не хватает?

– Про дам? – удивился портье. – У нас сейчас из дам только мисс Мэннинг и ее переводчица.

При этих словах Песцов опять обернулся на меня, но я уже была начеку и старательно притворялась, что изучаю картину на стене. Картина была так себе, мазня мазней, с нарушением перспективы и неестественными цветами, поэтому привлечь могла разве что дальтоника. Но изучала я ее так, словно собиралась писать статью для местного «Вестника живописи», или как он там называется. Владимир Викентьевич получал только новостные издания да пару специализированных целительских, но я была уверена, что существуют журналы, посвященные живописи, и вот им непременно нужны тематические статьи.

– Дмитрий, вы скоро? – проявила нетерпение мисс Мэннинг.

– Дорогая, маленький организационный вопрос. – Он белозубо улыбнулся певице, показывая свое к ней расположение, и продолжил допытываться у портье: – А из женского персонала вы нанимали в последний месяц кого-нибудь нового?

– У нас за последние полгода никаких изменений в персонале не было, – твердо ответил портье, по виду которого становилось понятно, что он раздумывает, не вернуть ли купюру. – Мы абы кого с улицы не берем, платим хорошо, у нас за места держатся. И если у вас что-то пропало...

– Да я не о том, – махнул на него рукой Песцов. – Просто в воздухе витает что-то такое, неопределенное... Причем то витает, то нет.

В его голосе слышалось явственное огорчение, я же поняла, что оборачиваться в номере больше не стоит: этак понюхают некоторые гостиничный воздух, а потом придут ко мне по запаху. А я не для того сбегала из Ильинска, чтобы вернуться туда с Песцовым. Отводящий щит на второй ипостаси я долго не удержу. Вот ведь нюхач какой нашелся, а с виду почти приличный господин...

– Как вы думаете, Анна, о чем так долго говорит Дмитрий? – спросила уже у меня мисс Мэннинг.

– О женщинах, – уверенно ответила я, ничуть не покривив душой. – Смотрите, какие вдохновенные лица у обоих.

– И мне так кажется, – отметила мисс Мэннинг, согласившись то ли с моим мнением, то ли с вдохновенным видом разговаривающих мужчин. – Но о каких женщинах они могут так долго болтать?

– Кажется, там звучало ваше имя. Может быть, мистер Песцов хочет подготовить вам сюрприз?

– Хм... – чуть искривила губы мисс Мэннинг. – С Дмитрием никогда не знаешь, каким окажется этот сюрприз. Право, лучше бы без него.

Но смотрела она теперь на Песцова не настороженно, а с ожиданием. Ювелирным таким ожиданием. Или меховым... Цветочные-то у нее выполнены и в театре, и в гостинице. Сюда приволокли аж две корзины, и я в номер мисс Мэннинг теперь заходила с опаской, потому что нос сразу закладывало.

– Тогда я пойду, мисс Мэннинг? – уточнила я, видя, что разговор у Песцова с портье заканчивается и он вот-вот вернется к нам и будет опять корчить недовольные рожи в мою сторону.

– Идите, – бросила она, даже не глядя. – Подойдете к представлению сразу в театр, чтобы мне вас там не ждать.

Сказала и тут же про меня забыла. На ее лице засияла улыбка предвкушения сюрприза. Бедный Песцов, опять он из-за меня пострадает. То есть пострадает-то он, конечно, из-за неоправданных ожиданий мисс Мэннинг, но возникли-то они из-за моих слов.

Я бочком, по стеночке покинула холл, еще успев заметить, как Песцов разочарованно отошел от портье, развеяла заклинание и пошла к себе. От мысли выгулять рысь пришлось отказаться, зато я задумалась, насколько опасно продолжать поездку в компании мисс Мэннинг. Этак Песцову пахнёт раз-другой, а потом он сложит свои обонятельные проблемы с пропажей наследницы у Рысыных и... Дальше воображение мне отказывало, я слишком плохо знала Песцова, чтобы понять, обрадует ли его неожиданный подарок судьбы, или он предпочтет сделать вид, что подарок предназначен другому?

В номере я немного пометалась, а потом решила прогуляться и купить газеты. Узнать, какую награду за меня назначила родная бабушка. Во сколько она оценила свою пропажу.

Моя нанимательница и Песцов уже ушли, что порадовало. А еще порадовало, что газеты удалось купить совсем рядом с гостиницей у мальчишки-разносчика со столь звонким и сильным голосом, что наверняка бы перекричал и мисс Мэннинг, если бы той вдруг вздумалось с ним конкурировать в продаже газет.

А вот то, что в новостях про меня не было ровным счетом ничего, неприятно удивило. Новости были свежими, поскольку приходили по телеграфу и тут же печатались, утоляя жела-

ние местных жителей быть в курсе всех сплетен: и столичных, и соседских. Я находила упоминания о самых мелких клановых новостях. Даже вчерашний карточный вечер у графини Орловой в далеком Урюпинске нашел место в газетных новостях. А вот обо мне – ни строчки. Неужели я настолько огорчила бабушку, что она опять выставила меня из клана? Хорошо, если так. Но мне кажется, такое действо не обошлось бы без визуальных эффектов, на которые я непременно обратила бы внимание, и к тому же это было бы слишком просто. Наверняка Рысына решила не раздувать скандала, а вернуть меня в лоно семьи так, чтобы никто не заметил, что я оттуда исчезала. То, что мне не придется скрываться еще и от желающих обогатиться, сдав меня Рысыным, радовало. Но было совершенно непонятно, что же задумала княгиня. Судя по газетам, приготовление к балу в поместье шло полным ходом. Только кого они будут представлять вместо меня? Закамуфлированного Юрия?

Я представила, как он закрывает веером усы, которые ни за что не согласится сбрить, нервно хихикнула и отбросила газеты. Если уж выдалось свободное время, нужно позаниматься хотя бы в теории. Практикой-то тут не займешься! Хотя смотря чем, конечно: от иллюзий большого вреда не будет. Но по иллюзиям раздел был очень короткий и специфический, и фактически все, что в нем было, я уже освоила. Ничего лучше, чем использованное мной заклинание, армейский учебник не предлагал. Никакой комплексной маскировки, одна маскировочная маска. По-видимому, остальное предполагалось добирать подручными средствами. Действительно, слети заклинание в неподходящий час, лицо можно прикрыть веером или шарфиком, наконец, в меха закутаться по брови. А вот изменившуюся фигуру и одежду так не скрыть.

По всему выходило, права княгиня: лучшие заклинания хранятся внутри кланов и не передаются чужакам. Или... придумываются самими магами, как это делает Волков. И они тоже хранятся в тайне от посторонних, магического зрения которых недостаточно для изучения чужих плетений. Но если просто тупо копировать чужое, своего не придумаешь, а армейский учебник все же больше делал упор на приложение заклинаний, чем на комбинирование и его последствия. По некоторым связкам просто говорилось, что их лучше не применять, но почему – не указывалось.

Я сходила на обед, потом прогулялась до магазина с канцелярией и прикупила тетрадь с карандашом. Состояние было странным: не надо было никуда торопиться, не надо было ничего срочно делать и не надо было ни от кого убегать. И все же внутренняя напряженность не позволяла окончательно расслабиться.

– Анна Дмитриевна? Какая неожиданная встреча! – Соболева возникла на моем пути внезапно и сразу приперла бюстом к стене. – Гуляете?

– Добрый день, Ксения Андреевна. Гуляю, – согласилась я.

– Да какой же он добрый, – закатила она глаза. – Столько проблем. Столько проблем. И у нас в театре. И у соседей. Вот из Ильинска новости пришли. Тревожные.

Сердце забухало в предчувствии неприятностей.

– Какие? – я спросила вроде небрежно, но руки сами собой судорожно сжались.

– Говорят, что с отъездом Песцова рысынская девица слегла, – громко прошептала Соболева, вращая глазами для пущей важности. – Рысыны объявили, что у нее лихорадка. Понимаете, что это значит?

Руки чуть разжались, и я порадовалась, что они были в муфте, а тетрадь если и помялась, то самую малость. Карандаш вот только сломался. Но ничего, буду считать, что у меня два карандаша. Совсем небольшая плата за прояснение ситуации с моими поисками.

– Что?

– Что она по уши влюблена в Песцова, – лихорадочно зашептала Соболева. – Почахнет так неделю-другую, княгиня смирится и согласится на их брак. Все равно внучка уже скомпрометирована.

– Возможно, они и не встречались ни разу, – пробурчала я.

Не могли мне подобрать кого-нибудь попримечнее, если уж решили скомпрометировать.

– Вы сами-то в это верите, Анна Дмитриевна? – по-доброму улыбнулась Соболева.

Прямо как гиена перед тем, как вцепиться в ослабевшую жертву. Но я жертвой пока не была и становиться ею не собиралась.

– Господин Песцов не выглядит страдающим по оставленной в Ильинске девушке, – заметила я. – Да и не похож он на завязанного сердцеда.

– Ой, Дмитрий Валерьевич никогда не страдает. Он знает, что, если захочет, сможет добиться любой, – хитро улыбнулась моя собеседница и придвинулась ко мне совсем тесно, всем своим видом намекая, что могла бы рассказать кучу сплетен, если я вдруг захочу.

Я не хотела.

– Мне кажется, он сейчас вполне удовлетворен обществом мисс Мэннинг. Она такая красивая, такая талантливая, с тонкой душевной организацией, – завела я панегирик нанимательнице.

– С тонкой душевной организацией? – внезапно оживилась Соболева.

– С тончайшей, – чуть настороженно подтвердила я, не понимая, куда гнет эта дама.

– Милочка, так это же то, что нам так нужно, – возбужденно сказала Соболева. – У мисс Мэннинг наверняка есть способности медиума.

– Возможно.

Соболева ухватила меня за руку чуть выше локтя:

– Анна Дмитриевна, вы мне должны помочь.

– С радостью, Ксения Андреевна. – Я чуть дернула рукой, намекая, что держать меня совершенно излишне, все равно я далеко не убегу в этой неудобной юбке. – Что я могу для вас сделать?

– Уговорить мисс Мэннинг, разумеется, – умоляюще сказала Соболева. – Мне нужен медиум. В моем салоне еще ни разу не получалось удачного спиритического сеанса. Сами понимаете, для меня это очень важно. Злопыхательницы уже шепчутся, что дело во мне. Мол, мой зверь слишком слабый, представляете?

– Какой ужас, – сказала я, совершенно не представляя, чем это может грозить Соболевой. – Но ведь мисс Мэннинг может и не оказаться медиумом.

– А мы проведем пробный сеанс, – деловито предложила собеседница. – Мисс Мэннинг, я, господин Песцов и вы.

Глава 5

Концерт удался. Пусть мисс Мэннинг пела под аккомпанемент всего лишь рояля, создавалось впечатление, что вместо него был целый симфонический оркестр. Оказалось, на репетиции она работала, не слишком напрягая связки, и сейчас ее прекрасный бархатный голос плыл по застывшему в восхищении залу, в полной мере передавая все, что вкладывала певица. В этот раз я не сидела сторонним зрителем, а стояла за кулисами, поэтому наблюдала за всем. За мисс Мэннинг, вдохновенно отдающей всю себя залу. За залом, заворуженно слушающим певицу. За всхлипывающей от избытка чувств горничной, прижимающей к груди саквояж с вещами, жизненно необходимыми мисс Мэннинг. Песцову насладиться в полной мере выступлением мешала Соболева, которая тоже не устроилась в зале, а вцепилась в организатора концерта обеими руками, словно он мог испариться вместе с подопечной, и что-то бубнила ему в ухо, которым Песцов нервно подергивал. Наверное, стряхивал лапшу, когда той становилось слишком много. Время от времени он страдальчески кривился и косился то на мисс Мэннинг, то на надоедающую ему Соболеву, отделаться от которой воспитание пока не позволяло.

– Ксения Андреевна, – не выдержав, прошипел он. – Давайте поговорим после концерта. Вы мешаете Филиппе.

Как раз в этот момент мисс Мэннинг закончила петь арию и зал взорвался аплодисментами и воплями «Браво!» и «Бис!». На сцену втащили очередную корзину с розами, коих уже скопилось за кулисами столько, что впору нести назад в цветочную лавку и сдавать на вес. Интересно, тут это практикуется? Не думаю, что мисс Мэннинг понадобится вся эта цветочная гора, разве что она или ее горничная добывают домашними методами розовое масло для одушки.

– Дмитрий Валерьевич, но это так для меня важно, – заныла Соболева. – Почему вы такой упрямый? Вот Анна Дмитриевна меня поняла и даже пообещала посодержать.

Ничего такого я не обещала, но это не помешало Песцову обернуться ко мне и хмуро посмотреть. Я отрицательно помотала головой, показывая, что к развлечениям Соболевой отношения не имею и не слишком хочу иметь, но он мне, кажется, не поверил.

– Подумайте, – тем временем важно вещала дама, – ведь и самой мисс Мэннинг этот опыт будет чрезвычайно полезен. Новые впечатления всегда благоприятно влияют на развитие творческих личностей.

– Мисс Мэннинг и без того прекрасно развита, – раздраженно бросил Песцов. – А сейчас вы беспардонно мешаете мне наслаждаться ее выступлением.

Соболева приложила носовой платок к носу и громко всхлипнула. Так громко, что привлекла внимание не только нас с Песцовым, но и мисс Мэннинг, которая встревоженно повернулась к нам, не переставая петь. Песцов засемафорил, что ничего страшного не происходит: обычное дело, поклонница расчувствовалась.

– Извините, Ксения Андреевна, я не хотел вас обидеть, – попытался он смягчить свои недавние слова, готовый на все или почти на все, лишь бы та затихла.

– Не хотели, но оби-идели, – протянула Соболева, старательно дрожа голосом и всхлипывая.

По артистизму сравнения с мисс Мэннинг она не выдерживала: пусть пышная грудь и неравномерно вздымалась, показывая удерживаемые рыдания, но глаза оставались абсолютно сухими, а уж оценивающий взгляд говорил, что внешние события Соболеву занимают куда больше внутренних переживаний.

– Ксения Андреевна, – закружил вокруг нее Песцов, чуть ли не обметая хвостом юбки. Чуть ли – потому что хвоста пока не было, но, судя по тому, что сам Песцов выглядел уже взведенным донельзя, от оборота его удерживала самая малость. – Вы уж простите меня, нера-

зумного. Но когда мисс Мэннинг начинает петь, все иное полностью покидает мою бедную голову. Иначе я ничем не могу объяснить свою грубость по отношению к вам, такой красивой и воспитанной даме. Если я могу что-то для вас сделать, вы только скажите.

Сейчас он действительно был готов на все, лишь бы собеседница заткнулась и прекратила мешать певиче. Соболева в последний раз всхлипнула и сказала, манерно растягивая гласные:

– Вы же поговорите с мисс Мэннинг, Дмитрий Валерьевич, о моей маленькой просьбе? Вам это ничего не стоит, а я буду так благодарна, так благодарна...

Платок она не убирала, наверняка готовясь в случае отказа опять пустить его в ход, имитируя страдания. Песцов с тоской посмотрел на сцену, где мисс Мэннинг уже готовилась исполнять следующий номер.

– А почему бы вам самой не поговорить об этом с мисс Мэннинг?

– Дмитрий Валерьевич, да ведь к вашим словам она скорее прислушается, – умоляюще сказала Соболева.

Теперь стало понятно, почему ни ей, ни Песцову не нашлось места в зале: Соболева хотела планомерно его обрабатывать, что было бы невозможно ни в партере, ни в ложах, которые обе оказались забитыми под завязку. Зря я обвинила ее в отсутствии артистизма: как удрученно она извинялась, твердила, что никак не может взять в толк, как так получилось, что совершенно не осталось свободных мест. Впрочем, вполне возможно, что она оставляла, только перед доводами в виде шелестящих купюр или других вариантов убеждения была вынуждена с ними расстаться. Уж очень много желающих оказалось послушать мисс Мэннинг, стулья стояли даже в проходах, а единственный незанятый театральный находился в гримерке. Кресло Соболевой из ее кабинета и то было втащено в одну из лож, и сейчас в нем сидел весьма важно выглядящий господин. Возможно, сам князь Соболев, если вдруг его сюда занесло.

Тем временем вступление проиграли, мисс Мэннинг бросила на нас недовольный взгляд и приступила к исполнению новой арии.

– Так как, Дмитрий Валерьевич?

– Давайте поговорим после концерта, – страдальчески скривился он.

– После концерта вы и думать обо мне забудете, – заскулила Соболева, готовясь опять прикрывать платком несуществующие слезы. – Пообещайте, что попросите мисс Мэннинг, ну что вам стоит, Дмитрий Валерьевич?

– Обещаю, – сквозь зубы выдавил Песцов и раздраженно дернул ухом.

– И сами примете участие.

– Хорошо. Но только если не услышу ни единого слова от вас до окончания концерта.

Он оскалил зубы столь угрожающе, что Соболева аж отпрыгнула, после чего он потерял к ней всякий интерес и опять устался в восхищении на сцену. Соболева же деловито заозиралась, потом подозвала к себе мужика, в котором я узнала встретившего нас вчера, пусть он одет был уже не на старинный лад, а вполне себе современно. Начальница что-то зашептала своему подчиненному, тот в ответ недовольно забубнил. Она шикнула – наверное, опять пообещала, что уволит, – и ногой притопнула, после чего испуганно покосилась на Песцова, но тот даже не дернулся в ее сторону. Мужик вздохнул, посмотрел укоризненно и куда-то утопал, а его начальница обессиленно прислонилась к стене. Вот так: спиритического сеанса еще не было, а его организаторша утомилась до такой степени, что ноги не держат.

Я в упор не помнила, любила ли я оперу раньше, в той жизни, но в этой искренне наслаждалась вокалом мисс Мэннинг. И не только я: зал завороченно внимал переливам ее голоса, не было слышно даже дыхания, не говоря уже о разговорах или кашле. Песцов так вообще подался вперед, поедая певицу глазами и чуть ли не облизываясь. Магия не действовала только на Соболеву: она явно маялась у стены, вздыхала, поднимала глаза к потолку и шевелила губами. Возможно, подсчитывала прибыль от концерта, а возможно – время, оставшееся до его конца. В любом случае она молчала, что само по себе было замечательно.

Концерт затянулся. Программа давно закончилась, но зрители в который раз умоляли мисс Мэннинг спеть что-нибудь еще, и она снисходила к их просьбам. Соболева начала нервно пристукивать каблуком, но замерла сразу, как только Песцов к ней повернулся, и встретила его полной неподвижностью и сладко-вопросительной улыбочкой. Рот открывать в недоуменном вопросе она предусмотрительно не стала.

На сцену неожиданно забрался какой-то хлыщ и, припав на одно колено перед мисс Мэннинг, страстно заговорил, пытаясь облобызывать обе руки певицы.

– Ой, уведут, – испуганно выдохнула Соболева, подавшись к Песцову своим могучим бюстом. – Дмитрий Валерьевич, как есть уведут мисс Мэннинг. Куда же вы смотрите?

Песцов сразу развернулся от нее, чертыхнулся и скомандовал опускать занавес. Как назло, что-то там в механизме заело, он скрежетал, но ни в какую не хотел проворачиваться. Тем временем на сцене разыгрывалось целое представление. Мисс Мэннинг безуспешно пыталась вырвать руку у слишком активного поклонника то ли ее, то ли ее таланта, что, впрочем, несущественно в данном случае. Она что-то успокаивающе говорила, и с ее лица не сходила улыбка, которая казалась намертво приколоченной. Но взгляды, которые она бросала на нас, явно были умоляющими. Песцов самолично дернул рукоятку, и занавес свалился на сцену, словно только и ждал, когда его наконец уронят.

– Боги мои, вы же сломали механизм, – возмутилась Соболева.

Она бросилась к рукоятке и подергала, но та заклинилась намертво.

– Его сломали до меня, – бросил уже на бегу Песцов.

Я последовала за ним, справедливо полагая, что моя помощь может понадобиться скорее мисс Мэннинг, чем Соболевой, которой для дерганья рукоятки переводчик не требовался.

Поклонник стоял на коленях уже двумя ногами, но скорее для устойчивости, потому что амбре от него несло... хорошенькое такое амбре спиртоперегонного заводика, маленького, но работающего без остановки. Уставившись на мисс Мэннинг покрасневшими глазами, он беспрестанно твердил:

– Богиня. Сирена, заманившая в свои сладкие сети Одиссея. Звезда на моем небе. Снизойдите ко мне, о прекраснейшая!

– Дмитрий, что он говорит? – испуганно спросила мисс Мэннинг, пытаясь вернуть руку себе.

Но поклонник держал ее крепко. Наверное, боялся свалиться без дополнительной опоры. Он и с опорой-то раскачивался.

– Делится историями из древнегреческой мифологии, – бросил Песцов.

Он толкнул соперника так, что тот не удержался и полетел на пол, потащив за собой мисс Мэннинг, которая завизжала ничуть не тише, чем пела раньше. Народ за занавесом заволновался, раздались крики: «Убивают!», «Пожар!» и почему-то «Воры!» Но лезть сюда и проверять, что случилось, никто не торопился, напротив, вопли удалялись, причем частота их усиливалась, а в криках начал лидировать пожар, пока не победил полностью.

Но если это и волновало кого, то только Соболеву, которая почему-то тоже испуганно запищала: «Пожар» – и забегала вокруг Песцова и неизвестного поклонника певицы, которые учинили самую настоящую драку. Кто ударил первым, я не видела, поскольку пыталась успокоить мисс Мэннинг, только чудом не сорвавшуюся в истерику после того, как чуть не свалилась на пол в компании пьяного.

– Господа, прекратите немедленно, – сменила пластинку Соболева, которую легкая круговая пробежка привела в чувство. – Дмитрий Валерьевич, я вам говорю!

Она ухватила Песцова за рукава, этим воспользовался его соперник и съездил Песцову по уху. Метил-то он в нос, но Песцов успел отклониться, поэтому не сильно пострадал.

– Ксения Андреевна! – прорычал он почти как Львов. – Вы моей смерти хотите?

– Да нет же, – испугалась она и взвыла, как пароходная сирена. – Гришка!

Я было подумала, что она напрасно зовет того, кого не так давно отправила по делам. Но нет: мужик подскочил и преданно уставился на директрису, вытянув руки по швам и ожидая команды. Соболева его не разочаровала:

– Быстро хватай того господина за шиворот. И выбрось его из моего театра! Вон! Немедленно. Ишь, удумал скандалы у меня устраивать.

Скандалист попытался было воспрепятствовать своему разъединению с дамой сердца, к которой он тянул руки со словами мольбы непонятно о чем, но Гришка встряхнул его так, что раздался лязг зубов, и поволок на улицу. И то дело: этому господину точно нужно было остыть.

– Богиня! – взвыл он напоследок. – Услада сердца моего! И очей!

И протрезветь.

– Какой кошмар! – с чувством сказала мисс Мэннинг. – Куда смотрит полиция? Дмитрий, как вы могли быть столь жестоким?

– Он вас спасал, – встала я на сторону Песцова. – Он дрался как Геракл с немейским львом. И даже пострадал в борьбе.

Песцов смущенно дернул покрасневшим от удара ухом. А я забеспокоилась, не посчитают ли мои слова намеком на правящую династию. Боже мой, я же совсем забыла, что у власти сейчас как раз Львовы. Но Соболева английский язык не понимала, а мисс Мэннинг вряд ли интересовали столь тонкие материи.

– Хм...

– Филиппа, я как мог пытался вас оградить. Кто мог представить, что в театр пустят настолько нетрезвого типа? – И обратился к Соболевой по-русски: – Ксения Андреевна, почему на концерт пустили пьяного?

– Не могли пустить пьяного, – запротестовала Соболева. – Он наверняка уже здесь напился.

– У вас работает буфет? – удивленно приподнял бровь Песцов.

– Нет, конечно. Нам буфет невыгодно держать. Но такие типы носят с собой фляжки. Расчувствовался во время выступления, выпил лишнего и пал жертвой таланта мисс Мэннинг. Мисс Мэннинг, вы были божественны сегодня. – Она ощутимо толкнула меня в бок и потребовала: – Анна Дмитриевна, переводите же. Вы здесь для этого.

– Анна Дмитриевна здесь не для того, чтобы переводить ваши глупости, – возразил Песцов и выразительно потер ухо.

Но я не стала обострять ситуацию и перевела мисс Мэннинг слова Соболевой. И другие ее восторженные глупости – тоже. Конечно, они были не от души, в отличие от пьяных выкриков неизвестного поклонника, зато куда менее травматичны для всех. К тому же прозвучавший намек на полицию был слишком тревожным, чтобы отмахнуться. Конечно, я взяла с собой оставшиеся после смерти мамы документы, в том числе ее паспорт. Но тут меня все знают как Анну Дмитриевну, а не как Ольгу Станиславовну. К тому же не факт, что нет ориентировки на задержание Седых. Нет, к общению с полицией я не готова: нет в моих учебниках ничего о ментальной магии, а без нее любой разговор опасен.

Понемногу мисс Мэннинг успокоилась, чему поспособствовала рюмка коньяка «для нервов», по словам Соболевой, самолично притащившей фляжку из кабинета. Я выглянула в зал. Там уже никого не было, если, конечно, не считать пары мужиков, деловито уводящих стулья. Возможно, следовало на это обратить внимание директрисы театра, но ту стулья сейчас волновали меньше всего.

– Анна Дмитриевна, прошу вас, переведите сейчас в точности. Мисс Мэннинг, мне так неудобно, что вы подверглись нападению в нашем театре, – вдохновенно сказала она. – Поужинайте у меня, чтобы я могла хоть как-то загладить свою вину. Вы меня весьма обяжете, дорогая.

Она умоляюще улыбалась и предусмотрительно не заговаривала про спиритический сеанс. И правильно: после ужина, если тот будет вкусным, уговорить куда легче.

– Дмитрий? – обратилась к нему мисс Мэннинг, не в силах решить, соглашаться ли.

– Дмитрия Валерьевича я тоже буду рада видеть у себя, – совершенно правильно поняла ее Соболева.

– Даже не знаю, – манерно вздохнула мисс Мэннинг. – Я так устала. Концерт выпил меня до дна.

Но уставшей она не выглядела. Напротив, казалась помолодевшей лет на десять. Словно впитала любовь поклонников и сейчас сияла мягким и теплым светом. Около нее всем хотелось погреться. И еще хотелось любви. Особенно Песцову.

– Филиппа, – почти промурлыкал он ей на ухо, – может, ну ее, эту старуху с ее ужином? Пойдем к тебе в номер. Или ко мне. Закажем все, что пожелаешь. Филиппа, счастье мое.

Ушко мисс Мэннинг, в которое шепталась эта ерунда, розовело, и взгляды, которые она бросала на поклонника, говорили лучше всяких слов, что ей идея Песцова пришлась по сердцу. Но это вовсе не означало, что она согласится на первое же его предложение. Поклонника следовало хорошенько поводить за нос.

– Дмитрий, мы идем ужинать к миссис Соболевой, – решила мисс Мэннинг и тряхнула головой. Страусиное перо на ее прическе покачнулось, соглашаясь со всем, что говорит хозяйка. – Люблю домашние вечера. Там всегда так мило и спокойно.

Глава 6

Сразу уйти не удалось. Мы успели благополучно забыть про вопли о пожаре, зато не забыли те, кто вопил. И не просто не забыли, а вызвали пожарных, которые, сияя ярко начищенными касками и размахивая баграми и топорами, вломились в театр, собираясь спасти нас от страшной участи сгореть заживо. Соболевой пришлось довольно долго им объяснять, что если что и загорится, то только завтра и только трубы у приставшего к мисс Мэннинг и, возможно, у того, кто вызвал пожарных. Потому что, по ее авторитетному мнению, на трезвую голову такое придумать было никак нельзя.

– Здесь защита еще от старого князя, – возмущалась директриса. – И вы это прекрасно знаете.

По всей видимости, тушить театр собирались не в первый раз. И не в первый раз уходили ни с чем.

– А еще мы знаем, что не так давно вы застраховались от пожара, – мрачно намекнул один из пожарных. – И ежели сгорите, то все неприятности достанутся нам. А нам премия была обещана.

– Давайте мы что-нибудь потушим? – азартно предложил самый молодой из подъехавших. – Чтобы наверняка.

– Чтобы что-то потушить, нужно, чтобы сначала это что-то загорелось, – заметила Соболева. – У нас ничего не горит. Не горит, – повторила она с нажимом и добавила: – И поджигать не нужно. А не то у вас не будет не только премии, но и зарплаты.

– Я ж как лучше хотел, – стушевался молодой и стыдливо спрятал за спину багор, которым ранее примеривался к ближайшей стене. – Чтоб, значаща, ничего не запылало.

– У нас не запылает, – сурово бросила Соболева. – Да уберитесь вы, наконец. Что о нас подумает гостья из Англии, мисс Мэннинг?

Мисс встрепелась, услышав свое имя, и поощрительно заулыбалась, доставая припавший карандашик. Наверняка решила, что поклонники за автографом пожаловали. Пришлось пояснить, что приехали разбирать театр по бревнышку и очень недовольны, что им этого не дают сделать. Миссис Соболева, можно сказать, грудью встала на защиту своего здания. Не захотела становиться директрисой погорелого театра, пусть даже театром он был лишь формально.

– Что у них, пожаров не бывает? – проворчал старший наряда. – Должна понять. Мы же не за просто так, а по необходимости.

– И какая у вас необходимость отнимать дальше мое время? – ядовито спросила директриса. – Здесь ровным счетом ничего не происходит. Во всяком случае, в плане поджогов и пожаров. Но по первому пункту я начинаю уже беспокоиться. Полицию, что ли, вызвать?

Она так задумчиво посмотрела на пожарных, что у тех пропало всякое желание препираться дальше, они нестройно попрощались и потопали на выход, сопровождаемые бдительным Гришкой. Мисс Мэннинг разочарованно убрала карандашик туда, откуда его достала, и гордо удалилась в гримерку. Перо с прически убирать, не иначе: на него зимнюю шапочку не наденешь, а без нее и уши отморозишь, и нос. За ней, как тень, последовала горничная.

Поскольку мы с Песцовым оставили верхнюю одежду в кабинете Соболевой, то и пошли туда все вместе, хотя Песцов мыслями был явно не с нами, не зря же ему мисс Мэннинг выдала столь щедрый аванс взглядами и улыбочками. Не факт, конечно, что за авансом следует что-то посерьезнее, но сейчас поклонник казался весьма воодушевленным и даже не приставал ко мне и не огрызался на замечания Соболевой. По-моему, он их вообще не слушал, поглощенный мыслями о грядущей страстной ночи. Если он и устраивал гастроли только тем певичкам,

с которыми у него был или намечался роман, то каждому роману отдавался с полной самоотдачей.

Когда мы вышли из театра, было уже совсем темно и всюду падал снег невесомыми белейшими хлопьями. Песцов поднял руку и поймал несколько, подул, и они перелетели на мисс Мэннинг. Та игриво засмеялась и что-то прошептала поклоннику на ушко. Явно обнадеживающее прошептала, поскольку после ее слов он стал выглядеть еще более увлеченным. Горничной же досталась всего пара отрывистых фраз, после чего та вздохнула и потопала к гостинице, сгибаясь под весом двух объемных баулов и концертного платья в плотном полотняном чехле.

– Так мы идем? – проявила нетерпение Соболева и тут же сменила тон, сахарно заулыбавшись: – Мисс Мэннинг, я переживаю за ваш голос, не замерзнет ли у вас ваше золотое горлышко. Зима у нас в России коварна к иностранцам. Анна Дмитриевна, переводите.

Песцов недовольно окрысился, явно мечтая, чтобы все, кроме него и певицы, провалились под землю, но я перевела мисс Мэннинг слова Соболевой. Певица с улыбкой признала их правоту, хотя мне показалось, что она предпочла бы погулять по городу в компании поклонника. После концерта она выглядела необычайно свежо и молодо, в общении с Песцовым постоянно проявлялись флиртующие нотки. И вообще, рядом с этой парой я чувствовала себя лишней. Но недостаточно лишней, чтобы бросаться на амбразуру словесных очередей Соболевой, неминуемо обрушившихся бы на меня, попытайся я обеспечить этой паре побег. Нет уж, мисс Мэннинг никто за язык не тянул соглашаться, вот пусть сейчас и отвечает. Я бы тоже лучше посидела, читая учебники, вместо того чтобы переводить глупости, сыплющиеся из рта Соболевой, словно горох из дырявого мешка: мелкие, частые, звонкие и бессмысленные.

Соболева жила совсем недалеко от театра. То ли дом подбирала поближе к работе, то ли работу – к дому. Конечно, вполне возможно, что жилье было служебным или просто так получилось совершенно случайно. Чего только не бывает в этой жизни? Скажи мне пару дней назад кто-нибудь, что буду бродить по театральным закулисам, в жизни бы не поверила. Где я, а где театр? Но склонности склонностями, а в моем положении уже хорошо, если кормят, платят и замуж не пытаются за кого попало выдать.

Увы, кормить пока не торопились. Похоже, произошла какая-то накладка, поскольку Соболева хоть и улыбалась нам, но на прислугу шипела, как титулованный аспид. Если у змей проводятся соревнования по шипению, Соболевой точно что-нибудь да выделили бы: если не медальку, так грамоту, уж больно артистично она это делала, с переливами и выверенными паузами.

Гостиная оказалась непривычно маленькой, но при этом не выглядела уютной. Создавалось впечатление, что ей практически не пользуются: в воздухе уверенно висел запах пыли и застарелого нежилого помещения, пусть и выглядело все чисто, а пыли не наблюдалось вовсе. Даже стеклянные полочки в горке были протерты до блеска. И то, что на них стояло, тоже блестело. А стояла там коллекция фарфора: в основном дамы в пышных платьях или влюбленные парочки, весьма тонко сделанные и аккуратно раскрашенные. Верхняя же полка была отдана разнообразным ангелочкам, которые стояли, сидели, лежали и даже делали вид, что летают. Странная подборка: ангелы относятся к христианской церкви, которая тут является сектой. Точнее – сектами. Значит, Соболева – сектантка? Неожиданно. Или это не ангелочки, а амурчики и коллекция – дань древним мифам?

– Мейсенский фарфор, – гордо объявила Соболева, заметив, куда я гляжу. – Вы увлекаетесь фарфором, Анна Дмитриевна?

– Нельзя сказать, что увлекаюсь, – осторожно ответила я. – Но смотреть люблю.

– Боюсь, финансы Анны Дмитриевны недостаточны для таких увлечений, – заметил Песцов. – Хорошая у вас коллекция. Ценная.

Тут с вопросами полезла мисс Мэннинг, озабоченная тем, что разговор опять ей непонятен. После пояснений она внезапно заявила о превосходстве фарфора английского над немец-

ким. Соболева заспорила, решив, что принижают ценность ее коллекции. Она бросалась терминами, которых я не знала и переводила лишь приблизительно. Мисс Мэннинг ко мне оказалась куда более добра: она просто твердила с упрямством ослицы «Веджвуд» как единственный неоспоримый довод. И этот довод сопровождала покачиванием головой и снисходительной улыбкой.

Соболева начинала злиться, и Песцов беспокоился, поскольку хозяйка дома уже переставала собой владеть и впала в частичную трансформацию: речь ее становилась все более невнятной и шипящей, уши поменяли форму, а над губой проклюнулись усы-вибриссы. Пока короткие и малочисленные, но уже узнаваемые и заметные.

– Ксения Андреевна, – ласково сказал он, встав так, чтобы полностью перекрыть обзор на горку с фарфором, – как поживает ваша племянница, Софья Даниловна?

Вопрос был выбран правильный: Соболева успокоилась тут же и нежно заворковала о Сонечке, которую воспитывала с младых ногтей и которая более чем какая-либо другая девица достойна стать нашей будущей императрицей. Мисс Мэннинг выразительно зевнула, показывая, насколько ее интересует эта тема, но, слава богу, не предложила английского варианта на замену нашему отечественному, а то, боюсь, ничем хорошим это не закончилось бы. И все же от шпильки она не удержалась.

– Меня поражает, миссис Соболева, что вы желаете такой участи своей родственнице, – манерно растягивая слова, почти пропела она. – Сейчас какую газету ни возьми – везде статьи о покушениях на правящие династии. Не бойтесь за племянницу?

Соболева сурово сжала губы, готовя ответ в духе: «Наша система охраны лучше, чем где бы то ни было», но внезапно лицо ее озарилось, лоб прорезала скорбная поперечная морщинка, и хозяйка дома с немалым артистическим талантом простонала:

– Вы не представляете, как вы правы, мисс Мэннинг. Проницательность в столь молодом возрасте – это столь удивительно и наверняка проистекает из вашей склонности к общению с духами.

Похоже, этот раунд остался за Соболевой: ей удалось до глубины души поразить мисс Мэннинг.

– Что? – удивленно приоткрыла рот певица, когда я ей перевела. – О чем вы?

– Я имею в виду, что столь тонко чувствующие личности, как вы, мисс Мэннинг, наверняка куда легче входят в контакт с духами, чем мы, обычные приземленные смертные, – с тяжелым вздохом пояснила Соболева. – Как тонко вы подметили, что я переживаю за племянницу. А ведь я ни слова об этом не сказала. – Она дождалась, пока я переведу и мисс Мэннинг несколько растерянно ей улыбнется, и продолжила куда уверенней: – Мисс Мэннинг, только вы можете мне помочь.

– Я? Каким образом? – Певица наконец почувствовала неладное и явно занервничала.

– Мне нужен медиум на спиритический сеанс, – прямо бухнула Соболева. – И я уверена, что никто лучше вас с этим не справится.

– Но я никогда подобным не занималась, – запротестовала мисс Мэннинг. – С чего вы вообще решили, что из меня выйдет медиум?

– Но вы же такая возвышенная, – уверенно отвечала Соболева. – У вас наверняка прямая связь с высшими сферами.

И руки воздела, показывая, куда именно направлен вектор связи. Забавно, но у нее самой при этом был столь вдохновенный вид, что спроси меня, кто из присутствующих более похож на пифию, указала бы на нее. Тем более что в моем представлении пифии как раз такими и были: умудренными жизнью, но еще не старыми и полными сил и желания помогать ближним. Ну или себе, это уж у кого какие желания.

В гостиную вплыла аккуратная молоденькая горничная и тихим заикающимся голосом проямлила, что кушать подано. Кажется, ее никто не услышал, кроме Песцова. Вот он встре-пенулся и бодро предложил:

– Дамы, а не отужинать ли нам для начала? Кто же разговаривает о столь серьезных вещах на пустой желудок?

От горки он предусмотрительно не отходил, поэтому внимание привлек только к своему предложению.

– Действительно. – Мисс Мэннинг подскочила куда быстрее, чем это было положено по ее статусу. – Мы же собирались ужинать, не так ли, миссис Соболева?

– Одно другому не мешает, – оптимистично ответила та. – Но вы правы, с моей стороны верх негостеприимства просить об услуге, когда я вас даже не пригласила к столу. Пойдемте же, мисс Мэннинг.

Мы с Песцовым обошлись без приглашения. Я прекрасно понимала, что Соболева все равно почти сразу пошлет за переводчиком: не общаться же ей с мисс Мэннинг одними жестами, чтобы донести свою просьбу? Песцов же не менее прекрасно понимал, что не пойдя он сам – Соболева обойдется без его компании и не накормит ужином. Фарфоровые фигурки, которые он закрывал своим увесистым пушистокостным телом, были хороши, но не настолько, чтобы на них любоваться часами.

Я опасалась, что поесть не удастся, слишком плотно Соболева взяла в оборот певицу в гостиной. Если постоянно переводить разговоры, в рот, конечно, можно что-то положить, но прожевать и проглотить будет сложно, да и речь при этом окажется невнятной. А платят мне, увы, не за то, чтобы я вовремя ела, пусть питание и входит в договор. Но Соболева оказалась чрезвычайно молчаливой во время еды, весьма обильной и содержащей много разнообразного и вкусного мяса. Хозяйку даже не заинтересовали короткие фразы, которыми перебрасывались мисс Мэннинг и Песцов. Впрочем, я все равно не стала бы их переводить: слишком личный подтекст там чувствовался, а источником сплетни еще и здесь я не собиралась становиться. Хватит того, что испортила репутацию Песцову в Ильинске. Причем интересно так испортила, краем захватив свою.

Наконец дело дошло до десерта, в качестве украшения которого выступило бланманже, оказавшееся, несмотря на красивое загадочное название, обычным молочным желе, в которое пожалели положить даже сахару в достаточном количестве. Соболеву оно тоже не вдохновило, она вяло поковыряла ложечкой, цапнула из вазы цукат из груши, ненадолго застряла в нем зубами и брезгливо отложила. Мисс Мэннинг решила не рисковать и ограничилась одним бланманже. Песцов же, поначалу аппетитно захрустевший печеньем, продолжил жевать его уже не с таким энтузиазмом, а надкушенное и вовсе положил на тарелку, явно не собираясь доедать. Уверена: если бы не воспитание, выплюнул бы Песцов пожеванное на тарелку и рот вытер бы. А так давился, но жевал и даже мужественно проглотил. Проверять, насколько велико его мужество, я не решилась и пила чай безо всяких добавок. Похоже, сладкое в этом доме уважали куда меньше мяса.

– Дмитрий Валерьевич, берите конфекты, – предложила Соболева. – Туровские. Трех видов. «Утиные носы», «Раковые шейки», «Гусиные лапки». И мисс Мэннинг предложите.

Песцов при перечислении названий заинтересованно дернул носом, но потом перевел взгляд на остатки печенья и вежливо сказал:

– Благодарю вас, Ксения Андреевна, но я не слишком люблю сладкое. И мисс Мэннинг тоже не любит. Более того, ей вредно для голоса. – И добавил по-английски: – Филиппа, я сказал, что вам сладкое вредно для голоса. Не благодарите.

– Все так плохо?

– Все я не проверял. Мне печенья хватило. У меня непременно вечером будет изжога, если не чего похуже.

– Хм...

– Что они говорят? – обиженно спросила меня Соболева.

– Господин Песцов передал ваше предложение мисс Мэннинг. Она сказала, что вы очень внимательная хозяйка.

– Я польщена. – Соболева довольно улыбнулась. – А как насчет моей маленькой просьбы? Дмитрий Валерьевич, попросите вы. Ну пожалуйста, что вам стоит?

Она сделала умильную рожицу, больше приличествующую девочке-подростку, каковой, возможно, себя и чувствовала, но не являлась уже лет сорок как минимум.

– Филиппа, дорогая, предлагаю пойти навстречу нашей хозяйке и провести этот несчастный спиритический сеанс, – со вздохом сказал Песцов. – Иначе она на меня смертельно обидится и непременно отомстит каким-нибудь извращенным способом. Вы же не желаете мне зла, дорогая?

– Какой из меня медиум? – чуть кокетливо ответила Филиппа. – Поучаствовать я бы не отказалась...

– Мисс Мэннинг не возражает против участия, но не готова вести сеанс. Придется вам, Ксения Андреевна, взять на себя эту роль. Предвосхищая ваши возражения – это единственно возможный вариант, – твердо решил Песцов.

Соболевой это не понравилось, поскольку брать на себя ответственность за провал еще одного сеанса она не хотела. Не знаю уж, с чем было связано ее желание показать свою компетентность в столь странном деле, но вопрос для нее был принципиальным.

– Дмитрий Валерьевич, вы не понимаете, о чем просите.

– Ксения Андреевна, я предлагаю попробовать. Если ничего не получится, мы никому не расскажем, – предложил Песцов. – А если вы удачно проведете, сможете утереть нос всем завистницам.

Соболева задумалась. Взвесила все плюсы и минусы, но решила, что плюсов все же больше, и чуть смягчилась:

– Искуситель вы, Дмитрий Валерьевич.

– Какой есть, – улыбнулся он обезоруживающе. – Так как, Ксения Андреевна?

Соболева развила бурную деятельность. Чужими руками, разумеется: вызвала горничную и дала указание подготовить все к спиритическому сеансу в гостиной. Наверняка той это приходилось делать часто, поскольку в столовой она появилась буквально через пару минут с уверениями, что все сделано в точности.

Песцов радостно подскочил со стула и подал руку мисс Мэннинг. Задерживаться в этом доме он не собирался. Соболева тоже не заставила себя долго ждать и почти побежала в гостиную, возглавив процессию, которую замыкала я. Правда, я попыталась увильнуть, но меня сурово одернули, заявив, что четыре участника – необходимый минимум.

В гостиной тяжелые бархатные шторы были сдвинуты так, что сквозь них даже крошечный лучик не пробился бы. Хотя какой сейчас лучик? На улице уже давно темным-темно. Чуть заметная струйка прохладного свежего воздуха показывала, что форточка приоткрыта. Посреди гостиной стоял настоящий спиритический столик с инкрустацией, посреди которого лежало блюдо тонюсенького фарфора, на котором чернела то ли стрелка, то ли трещина. Горели свечи, цвет которых в полумраке было сложно различить, но мне показалось, что они черные.

Песцов сидел напротив меня, а мисс Мэннинг – напротив хозяйки дома. Все украшения и амулеты по требованию Соболевой положили на приготовленный для этого поднос. Даже Песцов с неохотой расстался с часами и перстнем-печаткой. Перстень не был артефактом, обычное украшение, так что, скорее всего, был дорог как память или просто дорог.

– Все всё помнят? – вполголоса уточнила хозяйка. – О смерти не спрашивать. Говорить шепотом. Не сквернословить. Духа не оскорблять. Круг не разрывать.

Я быстро перевела мисс Мэннинг, после чего Соболева, убедившись, что все прониклись важностью мероприятия и касаются блюда, нагрела доньшко и зловеще воззвала:

– Дух, приди!

Почему-то я была уверена, что она будет вызывать конкретного духа. Но, видно, поскольку предыдущие попытки завершились фиаско, Соболева решила, что, если придет хоть кто-то, это уже будет хорошо.

Пока не приходил никто. Соболева воззвала еще раз. Песцов подавил зевок, пальцы мисс Мэннинг начали ощутимо подрагивать. Мне же было скорее смешно, чем страшно. В бликующих тенях Соболева походила на облезлую ворону, открывающую рот в хриплом карканье:

– Дух, приди!

Внезапно словно порыв ветра прошелся по комнате, чуть не задув свечи и взъерошив волосы. Мисс Мэннинг тоненько взвизгнула, а Соболева неуверенно сказала:

– Пришел.

Блюдец, стоявшее ребром, она быстро опустила на стол, прикрывая неосторожно заглянувшего на огонек духа.

– Дух, ты здесь? – подрагивающим от волнения голосом уточнила она.

Блюдец под нашими руками задвигалось, и мисс Мэннинг опять взвизгнула.

– Тише, – шикнула на нее Соболева. Кажется, она сама до конца не верила в успех. – Дух, кто ты?

Блюдец задвигалось, собрало буквы в слово «Царь» и остановилось.

– Спросите, какой царь, – оживился Песцов и поерзал на стуле от нетерпения. – Царей было много, не хотелось бы вести разговор с кем попало.

– Без вас знаю, – шепотом огрызнулась Соболева. – Дух, какой именно ты царь?

«Просто царь», – ответило блюдо.

Соболева выглядела растерянной не то ответом, не то тем, что дух все-таки ответил. Пока двигалось блюдо, я следила за ее руками, подозревая, что это мистификация и я замечу, как Соболева жульничает. Но ничего подобного увидеть не удалось, сама же хозяйка салона выглядела пораженной едва ли не больше остальных. Она облизала губы и тихо сказала:

– Он не хочет раскрывать инкогнито. Не надо настаивать, а то он обидится и не будет отвечать. Что будем спрашивать? Мисс Мэннинг?

Я перевела, и мисс Мэннинг прошептала:

– Спросите, удачно ли пройдут мои гастроли с мистером Песцовым.

На мой перевод Соболева кивнула, показывая, что все поняла, и важно спросила:

– Царь, просто Царь, удачно ли пройдут гастроли господина Песцова и мисс Мэннинг?

Блюдец метнулось сначала к «да», чуть задержалось, потом метнулось к «нет» и застыло между ними, словно не зная, что выбрать.

Глава 7

– И что это значит? – после короткого молчания прошептала мисс Мэннинг.

Соболева поняла ее без перевода и тихо пояснила:

– Иногда духи не могут сказать точно, потому что результат зависит от слишком многих факторов. Наверное, мисс Мэннинг предстоит какой-то выбор, чем и определится успешность ее гастролей.

Она выглядела столь уверенной, словно это был не первый случай, когда к ней на вызов приходил дух. Конечно, она могла быть наблюдателем на многих успешных спиритических сеансах, но, сдается мне, сейчас она просто набивала себе цену как медиуму. Впрочем, мисс Мэннинг ее слова я перевела в точности.

Блюдец заерзало по столу, хотя никто ни о чем духа не спрашивал. Наверное, тому просто скучно показалось только слушать, а не участвовать в беседе.

– А нельзя уточнить момент выбора?

Услышав мой перевод, Соболева в ответ зашипела:

– Нет, духи никогда не уточняют. Спрашивайте что-нибудь другое.

– А как мы вообще можем быть уверены в том, что это правда? – скептически спросил Песцов. – Пусть скажет что-нибудь уже прояснившееся, но нам неизвестное.

Соболева кивнула и ответственно спросила:

– Царь, что ты можешь сказать о нас?

– Почему о нас? – удивился Песцов, которому вопрос явно не понравился.

Но блюдец уже задвигалось, и Соболева, шикнув, чтобы не мешали, сосредоточенно зашевелила губами, складывая буквы в слова, а слова в предложение: «Двое из вас не те, за кого себя выдают».

– Вот так вот, – удивленно сказала Соболева и пристально посмотрела почему-то на меня.

Я ответила ей столь же пристальным подозрительным взглядом. В конце концов, говорилось про двоих, и второй пока мне неизвестен, а двум присутствующим неизвестны оба.

– Что он сказал? – прошептала мисс Мэннинг.

Я перевела.

– Ничего интересного, – фыркнула она, тем не менее сделав это необычайно тихо. – Все мы постоянно играем чужие роли, выдавая себя не за тех. Миссис Соболева сейчас выдает себя за медиума, вы – за переводчицу.

– Что она говорит? – забеспокоилась Соболева, услышав свое имя.

– Мисс Мэннинг сначала сказала, что мы все играем чужие роли, и привела в пример вас как медиума и меня как переводчицу.

– Вы плохо переводите? – заинтересовалась Соболева.

– Вовсе нет, – оскорбилась я. – Просто я не занималась раньше этим профессионально. Не было необходимости.

И Анной Дмитриевной тоже не называлась. Ох, кажется мне, дух имеет в виду что-то другое, а не наши с Соболевой нынешние роли. Она-то себя за другого человека не выдает?

– Мне кажется, дух о другом, – не согласился и Песцов. – Ксения Андреевна, уточните, пожалуйста.

– Вы что? – возмутилась она так громко, как это только можно было сделать шепотом. – Этого ни в коем случае нельзя спрашивать.

– Бойтесь, что выплывут шокирующие подробности про вас? – довольно противным тоном уточнил Песцов.

– Духов не спрашивают дважды об одном и том же, – оскорбленно прошипела Соболева. – Если бы вы хоть чуть-чуть интересовались столь серьезным делом, как спиритизм, вы бы это непременно знали.

Блюдец чуть пошевелилось под рукой, показывая нетерпение визитера, который хотел как можно быстрее осчастливить нас предсказаниями и удрать.

– Ой, что бы спросить такого? – забеспокоилась Соболева.

– Спросите, что вы там хотели узнать про свою племянницу, и заканчиваем, – предложил Песцов.

– Нужно еще что-нибудь важное спросить, – не согласилась Соболева. – Государственной значимости.

– Спрашивайте, – ехидно разрешил Песцов. – Мы все столь значимые особы, что непременно отразимся в истории и в предсказании духа по имени Царь.

– Дух, совершит ли кто-нибудь из нас что-нибудь важное для Российской империи? – зло спросила Соболева, явно в пику Песцову.

«Да», – качнул блюдец дух.

– Что ему нужно будет сделать? – победно глядя на Песцова, спросила Соболева.

«Найти библиотеку», – выстучал по буквам дух.

– К-какую библиотеку? – пораженно уточнила Соболева.

Блюдец лишь шелохнулось, но буквы в слова собирать не стало. Наверное, дух посчитал, что права на этот ответ у нас нет. Песцов насмешливо хмыкнул. Заразился от мисс Мэннинг, не иначе. Кстати, сама она как-то подозрительно затихла. Я взглянула: лицо певицы казалось заострившимся и очень бледным. Возможно, виной тому темнота и игры огоньков свечей, больше чадивших, чем горевших, но мне ее вид чрезвычайно не понравился.

– Кто должен найти?

«Он поймет». – Блюдец выразительно замерло, показывая, что даже если его разобьют, то все равно не добьются более точного ответа.

– Давайте завершать, – тихо предложила мисс Мэннинг, руки которой внезапно начали подрагивать. – Я чувствую, что пора.

– Ксения Андреевна, заканчивайте, – забеспокоился Песцов. – А то мы ерундой маемся, а Филиппе уже плохо. Спрашивайте про свою племянницу и отпускайте духа.

– Да-да, конечно, – заторопилась она. – Дух, выйдет ли моя племянница замуж за императора?

«Нет», – твердо ответил дух.

– Как это? – опешила Соболева.

Мисс Мэннинг покачнулась, и Песцов прошипел, почти не сдерживаясь:

– Отпускайте же. Филиппа сейчас упадет.

– Дух, спасибо за ответы. Дух, ты свободен, уходи! – истерически выкрикнула Соболева, выталкивая слова пулеметными очередями.

По комнате словно опять пронесся вихрь: это освобожденный дух стремился удрать подальше. Я бы тоже на его месте не стала помогать тем, кто сам не знает, что ему нужно, и задает столь глупые вопросы.

– Все? – уточнил Песцов.

– Нет. Дух, ты здесь? – напряженно спросила Соболева.

Ответом ей была полная тишина. Дух пришел, сделал свое черное дело по возбуждению подозрений и ушел. Соболева отдернула руки от блюдца, словно то обжигало, и побежала к шторам. Я было решила – открывать, но она лишь захлопнула форточку, чтобы дух вдруг не вернулся. Щелчок выключателя – и под потолком зажглась люстра довольно невзрачного вида, но зато электрическая.

– У меня все получилось, – торжествующе сказала Соболева и сжала кулаки перед грудью, словно собиралась боксировать с давними противниками или скорее противницами. – Но почему он сказал, что Сонечка не выйдет за императора?

– Потому что нужно спрашивать точнее, – проворчал Песцов, помогая подняться мисс Мэннинг. Та выглядела совершенно белой, словно из нее вылились все краски, и казалась лет на десять старше, чем тогда, когда садилась за стол. – Спрашивать такую дичь. Ксения Андреевна, я был о вас лучшего мнения. Ваша племянница собирается выходить за цесаревича, а не за императора. Или вы рассчитываете, что его отец погибнет до свадьбы?

– Что вы! – испуганно замахала руками Соболева, осознав, как выглядел ее вопрос в глазах лояльных к правящей семье лиц. – Я не знаю, почему я так сформулировала. Затмение какое-то нашло. Знаете, Дмитрий Валерьевич, я словно в трансе была, не осознавала почти, что спрашиваю. Уж не обессудьте.

Она заискивающе улыбнулась и подошла к мисс Мэннинг с другой стороны. Та выглядела уже живее, но бледность никуда не пропала. Певица стояла, опираясь на спинку стула, и эта поддержка для нее явно не была лишней.

– Мисс Мэннинг, может, вам накапать чего-нибудь?

– Все, что могли, вы уже накапали, – проворчал Песцов, отстраняя Соболеву с дороги. – Для мисс Мэннинг лучше всего сейчас обойтись без вашей опеки.

В его голосе сочувствие к певице странно перемешивалось с сожалением о нарушенных планах. Судя по всему, сегодня ему снова придется довольствоваться одними обещаниями. А завтра мы уезжаем, а значит, опять его роман не получит желаемого продолжения.

– У меня есть немецкий героин, – с тяжелым вздохом, словно расставаясь с самым дорогим, призналась Соболева. – Возможно, мисс Мэннинг...

– Филиппа не принимает лекарства без консультации со своим врачом, – отрезал Песцов, хотя сама актриса при слове «героин» заметно оживилась.

– От пары таблеток вреда не будет, – оптимистично заметила Соболева. – Я сама принимаю для поднятия жизненного тонуса, если уж совсем хандра одолевает. И знаете, прекрасно помогает. И для горла хорошо: кашель снимает моментально. Поверьте, у меня не какая-то там подделка. Чистый героин.

Оставалось только удивляться, почему у нее раньше спиритические сеансы не проходили успешно. После чистого героина-то. Ей для сеансов с таким поднятием жизненного тонуса не нужны ни дух, ни столик, ни компания – ответы на волнующие вопросы все равно получит. Не факт, конечно, что вспомнит потом, но получит точно.

– Разве что... – засомневался Песцов, глядя на едва стоящую на ногах мисс Мэннинг. – Филиппа, миссис Соболева предлагает вам лекарство для поддержания сил.

– Дмитрий, вы же знаете, я не могу принимать лекарства без консультации, – прошлепала она. – Мне уже лучше, не волнуйтесь. Я посижу немного и приду в себя. Но не рядом с этим.

Она слабо махнула рукой на спиритический столик и опять покачнулась, тяжело оперевшись теперь уже на Песцова.

Я же их беседу слушала в некотором обалдении, поскольку для меня было весьма странно, что наркотики принимают просто так, для поднятия жизненного тонуса. Особенно оборотней? Судя по тому, что никто не видел в предложении Песцова ничего странного, героин тут пока опасным не считался. Надо будет запомнить, что ни в коем случае нельзя принимать лекарства, не ознакомившись с составом. После консультации с лечащим врачом – это мисс Мэннинг хорошо придумала.

– Мисс Мэннинг благодарит и отказывается, – перевела я Соболевой. – Я бы и вам не рекомендовала принимать это средство часто. Возникает зависимость.

– Вы не представляете, как вы правы, – грустно ответила Соболева. – От всего хорошего вообще быстро возникает зависимость. А это средство просто великолепное. Жаль, что у меня осталось совсем мало. Я, конечно, попробую что-нибудь от российских фармацевтов, но разве наши смогут получить такое качество?

– Наши куда лучше делают, – возмутился Песцов. – Что за привычка превозносить иностранное и хаять наше?

– Положим, Дмитрий Валерьевич, – почти пропела Соболева, – вы гастроли тоже не для российской певицы устраиваете.

– Для российских я устраивал, – парировал Песцов. – И вообще, искусство интернационально.

Он усадил мисс Мэннинг в кресло около незажженного камина, и та устало откинулась на спинку и прикрыла глаза.

– Мне бы чего-нибудь горячего, – еле слышно проговорила она.

– Мисс Мэннинг просит чего-нибудь горячего, – перевела я Соболевой. – Странно, что обычный спиритический сеанс так на нее подействовал.

– Ничего странного, – возразила Соболева и энергично потрясла колокольчиком, вызывая горничную. – Вы же сами говорили, Анна Дмитриевна, что мисс Мэннинг – тонко чувствующая натура. Такие всегда близки к потустороннему. – И приказала вошедшей горничной: – Сбегай к кухарке, пусть горячее вино с пряностями сделает, а потом уберет все тут.

– Зачем вино? – удивился Песцов. – Чай будет достаточно.

– Ах, Дмитрий Валерьевич, ничего вы не понимаете, – не согласилась Соболева. – Вино прогревает куда лучше чая. Я настаиваю на вине, если уж вы от героина отказались.

– Я не отказывался, – заметил Песцов. – Отказалась мисс Мэннинг. А я бы не прочь испытать ваше новомодное средство.

– Вы для этого слишком хорошо себя чувствуете, – возразила Соболева, не нашедшая в себе сил расстаться с ценным лекарством ради чужой прихоти.

– Не скажите, ваш спиритический сеанс выжал из меня все соки.

– Вы не выглядите обескровленным, – не согласилась Соболева.

Наверное, Песцов действительно не нуждался в лекарственных стимуляторах, поэтому решил не настаивать и спросил:

– Как вы думаете, какой царь к нам приходил?

– Он не назвался, так вправе ли мы пытаться отгадать его имя? – неуверенно ответила Соболева. – И мы даже не знаем, наш или не наш.

– Отвечал же он на русском, – заметила я. – Значит, наш.

– Ах, дорогая, для духов не существует разницы в языках, – снисходительно бросила Соболева и разразилась длинной нудной лекцией об особенностях духов. Лекцию слушать было куда менее интересно, чем следить за горничной, шустро убиравшей следы спиритического сеанса. По ее четким движениям было понятно, что делает она это не впервые. Интересно, привлекала ли Соболева прислугу к своим попыткам вызова духов? Очень уж знающе кивала горничная в некоторых местах. Или просто слышала это уже не первый раз?

Песцов уселся на подлокотник кресла, где сидела мисс Мэннинг, и взял ее за руку.

– Разницы в библиотеках для духов тоже нет, Ксения Андреевна? – внезапно прервал он Соболеву.

– Это вы к чему, Дмитрий Валерьевич? – прервавшись на полуслове, недоуменно спросила она.

– К той библиотеке, которую нужно найти.

– Вы так говорите, словно знаете, о чем шла речь.

– Догадываюсь.

– И о чем же?

– Вы сами говорили, Ксения Андреевна, что не все следует рассказывать.

Соболева бросила весьма задумчивый взгляд на Песцова и выдала:

– То есть речь в предсказании шла о вас и вы знаете, что нужно сделать? Точно, дух же сказал: «Он знает», а мужчина из нас троих только вы один.

Соболева посмотрела на Песцова так, что со стороны наверняка показалась бы влюбленной. Но на самом деле она просто гордилась своей догадливостью.

– Именно.

– Так что же такого вы должны сделать? – азартно спросила Соболева. – Дмитрий Валерьевич, не томите, рассказывайте.

– Даже дух сказал, что это тайна.

– Что они говорят? – слабо спросила мисс Мэннинг у меня.

Пришлось пересказать и дальше переводить. Впрочем, Соболевой не удалось выжать из Песцова больше, чем он уже выдал. У меня создалось впечатление, что он лишь дразнил хозяйку дома, чрезвычайно возбудившуюся от прикосновения к тайне. Верил ли он сам в то, что предсказание касалось именно его?

Наконец принесли глинтвейн, и мисс Мэннинг начала цедить по глоточку, все более интересуюсь разговором. Стоило бокалу опустеть, как она сказала:

– Дмитрий, я хочу вернуться в гостиницу.

– Ксения Андреевна, мы с мисс Мэннинг вас покидаем, – тут же сорвался он с места, оставив свой бокал недопитым. Впрочем, у него это уже был второй, так что он не сильно пострадал. – Можем оставить Анну Дмитриевну. Переводчик мисс Мэннинг сегодня не понадобится.

– Пожалуй, я тоже вернусь в гостиницу, – не согласилась я. – Мы же отправляемся рано утром, не так ли?

Песцов недовольно дернул носом. Наверняка уже запланировал меня тут забыть. Но пока не подвернется другой работы, я буду держаться за мисс Мэннинг обеими руками, так что пусть не надеется, что я так бездарно потрачу выпавший шанс и спрятаться, и заработать.

В гостиницу мы вернулись вместе. Песцов предлагал взять сани для мисс Мэннинг, которая продолжала чувствовать сильную слабость. Но она отказалась, выразив желание пройтись, пусть даже для этого пришлось опираться не только на кавалера, но и на меня. Но я не возражала. После душной соболевской гостиной действительно хотелось вдохнуть чего-то свежего. Морозный воздух улицы был прекрасен, он пах свободой. Оставалось только сожалеть о невозможности перекинуться и побегать по снегу. Но и так идти и дышать полной грудью было замечательно. Даже мисс Мэннинг к концу прогулки почти пришла в себя и начала улыбаться и шутить с Песцовым, что не помешало ей проститься с ним на пороге своего номера. Дверь за ней закрылась, а Песцов неожиданно спросил у меня:

– Как вы думаете, Анна Дмитриевна, не притворяется ли Филиппа?

– Вам лучше знать, Дмитрий Валерьевич, – заметила я. – Вы знакомы с мисс Мэннинг куда дольше моего. Да, боги не обидели актерским талантом мисс Мэннинг, но использует ли она его против вас? Мне кажется, во время сеанса ей действительно стало плохо.

– Можно подумать, мне стало хорошо, – пробурчал он недовольно. – Тайны, библиотеки – ерунда же, Анна Дмитриевна?

– Совершеннейшая, – подтвердила я. – А какую библиотеку вам надо найти?

– Почему мне? Может, вам?

– Дух же сказал «он», – напонила я. – «Он» среди нас был только один.

– Духи пол не различают, Анна Дмитриевна, – ехидно сказал Песцов. – Если бы Ксения Андреевна ответственной относилась к подготовке своих спиритических сеансов, она бы это знала.

Глава 8

На следующее утро мисс Мэннинг чувствовала себя немногим лучше, но плотный гастрольный график не позволял ей отлежаться даже один день, поэтому отправились в путь рано, едва успев позавтракать. Завтракали мы по отдельности, и то уверена: певица не взяла в рот ни крошки перед дорогой, слишком сине-зеленым было ее лицо.

Возможно, Песцов решил, что ей будет лучше проветриться, а в закрытом экипаже его даму сердца непременно стошнит, и не факт, что на кого-то другого. А возможно, она попросила об этом сама, но возвращались в Ильинск мы в открытых санях. Мисс Мэннинг куталась в меха и совершенно не интересовалась ни разговорами с Песцовым, ни видами заснеженной природы. Наверняка она уже не единожды прокляла свое согласие участвовать в спиритическом сеансе. И сеанс получился бестолковым, и ее здоровье пострадало. Странно только, что плохо стало одной ей, ведь она по большей части даже не понимала, о чем спрашивали этого царя. Или оборотни менее подвержены влиянию духов?

Песцов почти сразу оставил попытки расшевелить мисс Мэннинг, устроился поудобнее, откинувшись на спинку саней, и совершенно наглым образом задрых. Наверняка ему снилось что-то приятное, поскольку он заразительно улыбался. Я бы с удовольствием последовала его примеру, поскольку сон на свежем воздухе всегда полезен, но колокольчик под дугой очень уж раздражающе звенел. Не знаю, в чем была причина его ужасающей немелодичности, возможно, отливка с дефектом, но звук неприятно бил по ушам. Мисс Мэннинг хоть и прикрыла глаза, но пару раз ощутимо поморщилась. Ее горничная тоже не спала. Она сидела, вытянувшись в струнку и крепко держа саквояж, и ела глазами хозяйку, чтобы успеть прийти на помощь, если той вдруг поплохееет. Отвлеклась от этого важного дела она всего раза два, чтобы неодобрительно посмотреть на особенно громко всхрапнувшего Песцова. Удивительно, во сне он не наваливался на мисс Мэннинг, а, напротив, отстранялся от нее, насколько позволяло сиденье. Задавить, наверное, боялся своей пушистой костью...

Примерно с середины пути мисс Мэннинг потихоньку стала приходить в себя и на ее лицо начали возвращаться краски. Нос покраснел, потом стал синеть, как она его ни кутала в меха. Не помогли даже остановки в придорожных трактирах, где нам подносили горячий чай с медом и довольно сытную еду, что было совсем не лишним, после длительной-то поездки по морозцу. Песцов так вообще лопал так, словно не спал, а бежал за санями на всех лапах из последних песцовых сил. И вообще он выглядел просто-таки неприлично здоровым, словно оно, это здоровье, во время неудачного спиритического сеанса плавно перелилось от мисс Мэннинг к нему. А уж после того, как он выпался настолько, что сон в него больше не лез, из него посыпались разнообразные забавные истории, которые мисс Мэннинг не оценила по достоинству.

– Как надоела эта дорога, – голосом великомученицы простонала она, прервав поклонника на полуслове. – Все такое отвратительно белое. И этот колокольчик. Дмитрий, потребуйте его заглушить. Он разрывает мне уши. Мне уже кажется, что мерзко дребезжит прямо внутри головы.

– Не положено, – заметил Песцов. – Это сигнал для встречных. Скоро начнет темнеть...

– Темнеть? – забеспокоилась мисс Мэннинг. – Но мы успеем до отправления поезда?

– Разумеется, – небрежно бросил он. – Мы двигаемся с опережением графика. И если ничего не случится, прибудем с хорошим запасом.

– А что может случиться? – встревожилась мисс Мэннинг. – Здесь опасно? Почему? Разбойники? Волки?

– Филиппа, с вами же я, – проникновенно сказал Песцов. – Значит, вы в безопасности.

– Хм...

Пожалуй, она уже полностью оправилась, если столь трезво оценивает песцовскую защиту. На ее месте я бы тоже засомневалась: не слишком грозным противником выглядит ее упитанный кавалер. Впрочем, его зверя я не видела, может, там нечто необычайно крупное, зубастое и агрессивное? Но даже если это обычный флирт, то это тоже говорит о том, что мисс Мэннинг лучше. И в самом деле, глаза она больше не прикрывает, круги под ними уже не такие насыщенные, а губы пытаются сложиться в улыбку. Определенно, несмотря на холод, поездка пошла певице на пользу.

– Вы мне не верите? – оскорбился Песцов. – Боги, Филиппа, да теперь я мечтаю, чтобы на нас напали и я смог показать, на что способен.

– Дмитрий, лучше помечтайте, чтобы мы доехали без приключений. Мечты имеют обыкновение сбываться.

– Увы, не все. – Он так тяжело вздохнул, что ему позавидовал бы любой вулкан перед извержением. – Мои мечты в последнее время так и остаются мечтами.

И посмотрел с намеком, что его чувства подобны лаве того самого вулкана, который только что тяжело вздыхал, и что они все греются и греются, а значит, недалек тот час, когда мы опять будем наблюдать его взрыв или побег от мисс Мэннинг. Если она, конечно, наконец к нему не снизойдет.

– Значит, не настолько вы хотите, чтобы ваши мечты стали явью, – томно проворковала мисс Мэннинг.

Я начинала понимать, почему Песцов засомневался вечером в ее плохом самочувствии. Если она все время его лишь распаляет, а потом оставляет перед дверью номера, поневоле задумаешься. Синева с носика певицы ушла, теперь он опять краснел, но уже наверняка под действием горячительного, принятого на последней остановке. Но и эта краснота казалась уже едва заметной, потому что действительно начало темнеть. А в темноте что голубое, что розовое выглядит просто бледным. И мисс Мэннинг теперь казалась не больной, а загадочной.

– Ох, Филиппа... – укорил Песцов, явно жалея, что в санях такая толпа, и размышляя, нельзя ли как-нибудь потерять по дороге нас с горничной. Или хотя бы пересадить к кучеру.

– Ох, Дмитрий, – лукаво протянула мисс Мэннинг. – Я ужасно переживаю за вещи, оставленные в гостинице Ильинска.

Переход был резкий и очень отрезвляющий. Песцов чуть отстранился, насколько позволял размер сиденья и его собственная упитанность, и недовольно сказал:

– Филиппа, вы же оставили все упакованным. В гостинице обещали сдать в багаж и вручить вам квитанции.

– Это же будет не под моим присмотром, – закапризничала она. – Вдруг они погрузят не все?

– Они погрузят все, – уверенно ответил Песцов. – Там очень ответственный управляющий.

– Хм...

– Филиппа, ваши гастроли – не первые, которые я устраиваю, и еще ни у кого не пропадал багаж. Ни единого саквояжика не пропадало, поверьте мне.

– Вам поверить? Хм...

– А кому вам верить, как не мне?

Песцов распушил хвост и пошел на очередной приступ дамы сердца, которая вроде бы не прочь была сдаться, а на деле, похоже, просто тянула время, не желая выдавать ничего, кроме авансов, зато получать все, что оговорено. Но болтали они довольно мило все то время, пока мы подъезжали к Ильинску, и немного, когда ехали уже по нему. Затем мисс Мэннинг опять начала переживать, что либо не успеем на поезд, либо ее вещи не погрузят в багажный вагон. Песцов уже потерял надежду ее успокоить и даже апеллировал к моему мнению, словно я разбиралась в грузоперевозках. Мисс Мэннинг я попыталась успокоить, но сама нервничала все больше и

больше. В моих планах не было столь скорого возвращения в Ильинск, и я опасалась, что меня вычислят и вернут Рысыным. До поезда я хотела добраться не меньше мисс Мэннинг, пусть и по другой причине.

На вокзал мы приехали заблаговременно, никем и нигде не остановленные, и я уже почти уверилась, что ничего не произойдет.

– Какой красавец, – внезапно промурлыкала мисс Мэннинг, полностью потеряв интерес к Песцову. – Какое мужественное лицо.

Я обернулась посмотреть, о ком она, и моя выдержка дала трещину. Да что там трещину – я чуть было не отправилась в бега самым позорным образом. Оказалось, что нас встречали: перед вокзалом невозмутимо прохаживался Волков собственной персоной. Он же уезжал надолго, если не навсегда? И что сейчас принесло его не просто в Ильинск, а на вокзал, с которого я собираюсь уехать? Страх прочно пустил внутри меня холодные корни, сковывающие и мысли, и движения.

– Что там мужественного? – возмутился Песцов. – Разве что усы. Но у меня не хуже.

Смотрел он на Волкова настолько неприязненно, что я забеспокоилась, не полезет ли в драку. Мне же привлекать внимание штабс-капитана было не с руки, поэтому я попыталась отвлечь Песцова:

– Ваши усы намного мужественней, Дмитрий Валерьевич.

– Вот спасибо, Анна Дмитриевна, – тоном старой сварливой бабы огрызнулся он, – порадовали. Усы, значит, мужественней.

– И вы сами ничуть не хуже, – попыталась я сгладить неприятное впечатление от своих слов.

Песцов оскорбленно фыркнул и демонстративно повернулся к Волкову спиной, помогая мисс Мэннинг выбраться из саней. Сделал он это зря, поскольку Волков неторопливо, но неотвратно двигался к нам и, когда мисс Мэннинг, расточавшая ему улыбки, выбралась из саней, стоял уже за спиной у Песцова. Тот еле заметно дернул носом, явно чувствуя такое неприятное соседство, но поворачиваться все равно не торопился, протянул руку и таким интимным движением поправил палантин мисс Мэннинг. Прекрасный палантин, в этот раз – из черно-бурой лисы, заставивший меня в очередной раз страдать из-за собственной неказистой горжетки.

– Дмитрий Валерьевич, добрый вечер, – обозначил свое присутствие Волков.

– Александр Михайлович? Какой приятный сюрприз, – делая вид, что только что заметил соперника, ответил Песцов с гримасой, показывающей его истинное отношение к «приятному сюрпризу». – Извините, что не могу уделить вам время, мы торопимся.

– Дмитрий, представьте меня своему другу, – скомандовала мисс Мэннинг.

Наступила неловкая пауза, поскольку Песцов никого представлять не собирался, а если и размышлял, то лишь о том, как убрать Волкова с дороги.

– Александр Волков, к вашим услугам, – представился тот сам и склонил голову в знак уважения. – Вы же, мисс Мэннинг, настолько известны, что в представлении не нуждается. Вы не будете возражать, если я украду вашего спутника для короткой приватной беседы?

– Разумеется, буду, – бросила мисс Мэннинг, кокетливо улыбнувшись.

– Дмитрий Валерьевич, мне нужно буквально пять минут. Поверьте, это в ваших интересах.

Каждое волковское слово словно вбивалось в голову молотком. Можно было только порадоваться, что его воздействие направлено не на меня и что нас с горничной он не замечает на фоне мисс Мэннинг и ее мехов. И у облезлых горжеток бывают преимущества. Обратись он ко мне, не представляю, что бы пришлось делать, поскольку голос менять я не умею. Разве что притвориться, что простыла? Я закашлялась.

Тем временем Песцов с тяжелым вздохом отцепил от себя возмущенную пренебрежением певицу и отошел на пару шагов с Волковым, тут же поставившим защиту от прослушивания, которую я вскрыла, будучи уверенной, что речь пойдет обо мне. Волков не разочаровал:

– Мне нужна Елизавета Рысына.

Песцов опешил.

– Думаете, Александр Михайлович, я ее в сундуке мисс Мэннинг вожу? – едко спросил он. – С таким требованием вам к Фаине Алексеевне, знаете ли. Меня же Рысыны от дома отлучили.

– Девушка пропала примерно в то время, когда вы покинули Ильинск, – бросил Волков.

– Полноте, как это пропала? – недоверчиво сощурился Песцов. – Об этом непременно бы болтали.

– Рысыны пока скрывают, но у меня свои источники информации.

– Может, ваши источники врут?

– А может, вы помогли ей бежать?

Песцов вытаращился на штабс-капитана так, словно его глаза жили отдельной жизнью и вытягивались на стебельках из глазниц. Сказать, что он был поражен предположением Волкова, – это ничего не сказать.

– Вы с ума сошли, – наконец выдавил он из себя. – Зачем мне помогать бежать Рысиной?

– Возможно, потому, что это в ваших интересах? Или вы всю жизнь собираетесь заниматься этим? – презрительно скривив губы, кивнул Волков на мисс Мэннинг.

– Не ваше дело, чем я собираюсь заниматься, – отрезал Песцов, с такой брезгливостью глядя на Волкова, словно выше был он, а не соперник. – В любом случае, Александр Михайлович, это не имеет никакого отношения к пропаже, точнее, якобы пропаже Рысиной. Пропала-то она только по вашим словам.

Волков положил руку на плечо Песцова, что со стороны наверняка казалось дружеским жестом, но я прекрасно видела, как под пальцами сминается толстое сукно. А если он выпустит когти, то не только сомнется, но и продырявится.

– Если я узнаю, что вы мне солгали, – низким рокочущим голосом почти прорычал Волков, – если окажется, что Рысына уехала с вами, вы об этом сильно пожалеете. Я вас уничтожу.

Сказано это было так, что даже мне стало страшно и вспомнилось откуда-то: «И живые позавидуют мертвым». Но на Песцова этот спич не произвел такого впечатления. Он пренебрежительно фыркнул и дернул плечом, на котором устроилась волковская рука.

– Послушайте, Александр Михайлович, все женщины, которых я вывез из Ильинска и привез обратно, перед вами. Это мисс Мэннинг, ее горничная и ее переводчица. Кто из них, по-вашему, Рысына? Впрочем, если хотите, забирайте любую, кроме мисс Мэннинг. Да и ту тоже, если выплатите неустойку за срыв концертов. Честно говоря, мне ее концерты, устраиваемые лично для меня, поднадоели.

Волков перевел тяжелый взгляд на нас и осмотрел всех так, что мисс Мэннинг, ничего о нем ранее не зная, отшатнулась, а мне вообще захотелось спрятаться, пусть он пока и не признал во мне цель своих поисков.

– Какой неприятный мистер этот военный, – прошептала, едва оправившись от испуга, мисс Мэннинг. – О чем они говорят, как вы думаете, Анна?

– О женщинах, конечно.

Получилось хрипловато, и это меня порадовало: пусть лучше мисс Мэннинг с компанией посчитают, что у меня начинается простуда, чем Волков опознает по голосу.

– Почему именно о женщинах? – удивилась она.

– А какие у них могут быть еще общие интересы?

– Действительно, какие...

Тем временем Волков закончил нас осматривать и поинтересовался у Песцова:

– Вы не возражаете, Дмитрий Валерьевич, если я опрошу ваших дам?

Впрочем, тон был такой, что сразу становилось понятно: вопрос лишь для проформы и ответ Волкова волнует крайне мало.

– Опрашивайте, Александр Михайлович, – согласился Песцов, попытавшись сохранить лицо. – Только вряд ли это вам что-то даст. Рысыну-младшую я в глаза не видел.

– В самом деле? Почему же вам было отказано от дома, Дмитрий Валерьевич?

– Там были столь невнятные объяснения, что я сам толком не понял. Александр Михайлович, если у вас есть вопросы, поторопитесь. Поезд нас ждать не будет.

– Ваш поезд еще не приехал, – заметил Волков и развеял плетение.

Поскольку я свое заранее развеять не позаботилась, оно разрушилось само, стегнув болью так, что она прошла через все тело и довольно болезненно оглушила. На глазах выступили слезы, а к горлу подкатила тошнота, которую я волевым усилием загнала вглубь. Волков мне, конечно, не нравится, но не настолько, чтобы при его появлении демонстрировать содержимое желудка. Пришла я в себя быстро, но Волков уже подошел. Единственное, что я успела, – убедиться, что не слетела иллюзия облика, и бросить на себя заклинание против ментального воздействия.

– Простите, мисс Мэннинг, что заставил вас ждать, – с улыбкой, призванной служить извинением, сказал он. – У меня было очень важное дело к мистеру Песцову.

– У вас общие дела? – заулыбалась та в ответ, напрочь забыв, что недавно называла Волкова неприятным. – Надо же, а Анна утверждала, что единственное, о чем вы могли беседовать, это женщины. – Она повернулась ко мне и продолжила: – Видите, Анна, вы ошиблись, Дмитрий с Александром обсуждали дела.

Я криво улыбнулась, мечтая только об одном: чтобы обо мне все внезапно позабыли. Но Волков смотрел так, что вероятность незаметного бегства не то что стремилась к нулю, она была отрицательной.

– Наверное, ваша переводчица слишком хорошо узнала Дмитрия, – заметил Волков, не упустив возможности пройтись по Песцову, – поэтому и решила, что его интересы очень узконаправленные. И потом, знаете ли, она не так далека от истины, я ищу девушку.

– Вот как? – Мисс Мэннинг кокетливо улыбнулась. – Красивую?

– Очень.

– И вы подозреваете, что Дмитрий ее увез?

Сам ее вопрос подразумевал, что из двух кавалеров я выбрала не Волкова, поэтому он оскорбленно выдохнул:

– Я не исключаю, что он помог ей бежать. Вы не видели мистера Песцова с незнакомой девушкой?

Взгляд, который бросила на меня мисс Мэннинг, задумчиво-оценивающий, мне ужасно не понравился. Надеюсь, она не выложит свои сомнения непосредственно Волкову, а то ведь останется без переводчицы, а это не в ее интересах.

– Я не видела никого постороннего рядом с Дмитрием в последние несколько дней, – с ангельской улыбкой заявила мисс Мэннинг.

– А вы, Анна...

– Дмитриевна, – чуть хрипло ответила я. – Я не знаю, кто ему посторонний, а кто нет. Но мы общались только с Соболевой.

В глазах Волкова не проявилось ни капли узнавания, только внимание к моим словам. Не ко мне, и хорошо. Я чуть успокоенно погладила горжетку. Буду считать ее своим талисманом, напрочь отбивающим обоняние у Волковых.

– С какой Соболевой?

– Директором театра. Правда, там такой театр, что театром его считать... – Я закашлялась, показывая, что мне трудно говорить.

– Вот видите, – усмехнулся подошедший Песцов.

– Мисс Мэннинг, а Дмитрий все время был рядом с вами? – переключился Волков на певицу.

– Мне было не до того, чтобы за ним следить – важно ответила та. – У меня репетиции, концерт. Сами понимаете, все это требует полной самоотдачи.

– Я все время был с Филиппой, – зачем-то сказал Песцов.

– Анна Дмитриевна, это так?

Я чуть поколебалась, но решила на этот вопрос ответить честно. В конце концов, у Волкова есть возможность проверить наши слова, и если он поймет, что его обманули, то может уже с большим интересом отнестись к моей скромной персоне.

– Мы не видели Дмитрия Валерьевича весь день, когда была первая репетиция. Он разругался с мисс Мэннинг и пропал до вечера.

– Вот как? И где же вы были, Дмитрий Валерьевич?

Волков развернулся к Песцову, а тот неожиданно стыдливо заалел и бросил на меня весьма недовольный взгляд.

– Александр Михайлович, я вам потом скажу. Наедине. Всем присутствующим слушать это необязательно.

– Скажете, – согласился Волков и опять повернулся ко мне: – Анна Дмитриевна, а фамилию Рысына вы не слышали от господина Песцова или в связи с ним?

– Слышала, – с тяжелым вздохом признала я, заслужив еще один ненавидящий взгляд обсуждаемого субъекта. – Госпожа Соболева говорила, что у Дмитрия Валерьевича роман с Рысиной-младшей, из-за чего ему отказали от дома.

– Нет у меня с ней романа! – взревел Песцов, как будто был Буйволовым. – Я ее вообще в глаза не видел, представьте себе.

– А что еще говорила Соболева? – не обращая внимания на его вопли, спросил у меня Волков.

– Она постоянно что-нибудь говорит, – заметила я. – Но про господина Песцова и Рысину-младшую она больше ничего не говорила. Впрочем, я уверена, что и это – обычная сплетня и верить скорее надо Дмитрию Валерьевичу, чем ей.

– Вот спасибо вам, Анна Дмитриевна, – прошипел Песцов. – Вот уважили. И почему я не настоял, чтобы мисс Мэннинг вас уволила? Вы ведь прекрасно знаете, что между мной и Рысиной ничего нет!

– Что вы так возбудились, Дмитрий Валерьевич? – сузив глаза, прошипел Волков. – Если вас с Рысиной-младшей ничего не связывает, то вам и опасаться нечего. Анна Дмитриевна всего лишь была честна со мной.

Потом Волков попытался получить информацию и от горничной, но та не знала вообще ничего, поскольку по большей части провела время в гостинице, готовя концертную одежду для мисс Мэннинг. Про Рысыных она ничего не слышала и помочь меня найти никак не могла. Волков в ней разочаровался очень быстро, повернулся к Песцову, настолько усердно сверлящему меня неприязненным взглядом, что уже стало казаться: дырка есть не только во мне, но и во всем за моей спиной.

– Давайте-ка, Дмитрий Валерьевич, мы отойдем и вы скажете, где провели тот день. Имейте в виду, я проверю.

Подслушивать в этот раз я не стала. Во-первых, и без того догадывалась, где провел Песцов тот злополучный день, а во-вторых, на меня сразу же набросилась с вопросами мисс Мэннинг.

Глава 9

Песцов устроил скандал почти сразу после ухода Волкова. Весьма недовольного Волкова, на прощание сказавшего, что его благодарность мне за любую информацию о пропавшей не будет иметь границ, в пределах разумного, разумеется, а вот утаивание оной информации и тем более девушки сделают этого нехорошего человека личным волковским врагом. И если на первой половине речи мисс Мэннинг еще не теряла надежды улыбками и нежными взглядами заполучить еще одного поклонника, то к середине второй половины проникновенной речи певица смотрела на штабс-капитана с большой неприязнью. Возможно, потому, что цену информации он так и не назвал, а неприятности обещались всем, и вполне определенные. Но угрозы закончились, и Волков, холодно попрощавшись, отправился проверять сплетни Соболевой. Надеюсь, она его окончательно запутает. Эх, надо было ему сказать, что она весьма искусна в спиритических сеансах и общении с духами – все развлечение бедной женщины, которая непременно пострадает от чужой грубости. Миндальничать Волков не будет.

– О таких вещах, как лояльность к хозяину, вы не слышали, Анна Дмитриевна? – зло бросил Песцов. – Как вы могли раскрыть мои тайны первому встречному?

– Положим, вы мне не хозяин и даже не работодатель, – отрезала я. – Платит мне мисс Мэннинг, если вы вдруг забыли. Да и тайны у вас так себе. Думаете, никто не понял, куда вы отлучались?

– Филиппа, увольте ее, наконец, – повернулся Песцов к мисс Мэннинг. – Наглость этой особы переходит все границы. У меня из-за нее будут неприятности с Волковыми.

– Неприятности у вас будут из-за того, что вы на весь день бросили мисс Мэннинг, – заметила я, переходя тоже на английский. Действительно, так проще: не придется потом переводить заинтересованно прислушивающейся к песцовским воплям певице. – А вовсе не из-за того, что я об этом сказала. Вы думаете, мистер Волков не проверил бы ваши слова? А когда убедился бы, что вы ему наврали, непременно приехал бы выяснять почему. А так у него не будет в этом нужды. Можно сказать, и волки сыты, и овцы целы.

Никогда бы не подумала, что мой собеседник воспримет эту пословицу буквально, намеком на свои отношения с Волковым.

– Я Песцов! – возмущенно взвыл он. – Извольте не забываться!

– Вы так усиленно на это напираете, что я невольно вспоминаю о признании духа, что двое выдают себя не за тех, – не сдержалась я.

Песцов замер, только его ноздри раздувались от едва сдерживаемого гнева и усы топорщились, как у кота, почуявшего мышь. Наконец он достаточно совладал с собой, чтобы высокомерно процедить:

– Филиппа, присутствие этой женщины меня оскорбляет! Мне еще ни от кого не хотелось так избавиться, как от нее. Увольте ее. Немедленно. Если вы опасаетесь неустойки, я ее оплачу.

Выговорив последнюю фразу, он заметно скривился, наверняка вспомнив, что уже всучил мне взятку, но, к моему уважению, предложение назад не взял. Мисс Мэннинг задумчиво поглаживала свой мех, не торопясь с ним соглашаться.

– А мне кажется, – томно протянула она, – что вы к Анне равнодушны. Слишком уж сильно вы к ней придираетесь. По любому самому мелкому поводу.

Вывод был столь неожиданный и оглушающий, что Песцов потерял дар речи. Он стоял, разевая рот, как выброшенная на берег рыба, и никак не мог придумать, что же такого ответить, чтобы отстоять свою честь и не оскорбить певицу. Конец представлению положила кошка, как ошпаренная выскочившая на площадь и лишь чудом затормозившая почти у самых наших ног. Она выгнула спину, вздыбила шерсть, зашипела, словно могла этим испугать кого-то, кроме себя, и попятилась, не сводя с нас напряженного взгляда. На кого именно она смотрела, было

непонятно, но мне почему-то показалось, что не на меня. Песцов раздраженно махнул рукой, отчего кошка подпрыгнула и сиганула вбок столь быстро, что я успела заметить лишь смазанную тень. Но ее страх словно остался и висел в воздухе. Сильный страх, который нельзя было объяснить обычной встречей с оборотнями. Как я успела заметить, в Ильинске домашние животные меня не боялись, во всяком случае когда я была в человеческом облике. Возможно, конечно, что волковские щиты так действуют на кошек, а возможно, эта кошка просто не совсем нормальная. Или вообще после встречи с Волковым, который никуда не ушел, а наблюдает за нами сейчас издали.

Похоже, над странностями кошкиного поведения задумалась только я, поскольку Песцов забыл о бедняжке сразу, едва та пропала из виду. Еще бы: у него имелся куда более интересный объект для наблюдения, на который он и перенес укоризненный взгляд.

– От вас, Филиппа, я такого не ожидал.

– А что вы ожидали? Что я откажусь от единственного переводчика и сдамся на вашу милость? – неожиданно сухо спросила мисс Мэннинг. – Это непредусмотрительно. Если вы наживаете таких врагов, как мистер Волков, я могу оказаться посреди снегов совершенно одна. Или вообще под снегами, если вы понимаете, о чем я.

– Мы с Волковым не враги, – запротестовал Песцов.

– Он так не думает. Мистер Волков... – Она пощелкала пальцами перед лицом, словно подбирая слова. – Мистер Волков сам решает, кто ему враг, а кто нет. Вы у него доверия не вызвали. Не стоило вам врать по мелочам, Дмитрий.

– Филиппа, да забудьте вы про это недоразумение. Речь сейчас не о Волкове, а о вашей переводчице. Я уверен, что она приносит нам несчастья. Наверняка именно это подразумевал дух, когда не мог выбрать ответ об успехе вашей поездки. Выгоните ее – и все пройдет безупречно.

– Анна не бросала меня посреди улицы по надуманной причине, – заупрямилась мисс Мэннинг. – Более того, не она меня сейчас удерживает на холоде и тем ставит под удар мое горло. Даже ваша миссис Соболева прекрасно понимала опасность моего переохлаждения.

Она выразительно раскашлялась, и Песцов подхватил певицу под руку и повел в тепло. Пока только в зал ожидания, поскольку поезд еще не приехал, но и там Песцов не оставил мысли уговорить даму сердца со мной расстаться. Я сидела тихо, размышляя, что, возможно, это было бы к лучшему: мисс Мэннинг что-то заподозрила и если не выдала меня Волкову, то лишь потому, что была не уверена в полезности этого действия. Вот если бы Волков пообещал за меня что-то осязаемое: еще один палантин, счет в банке или диадему, – мисс Мэннинг могла бы решить, что это компенсирует отсутствие переводчика. В конце концов, переводчика можно найти другого, а другую диадему предложат вряд ли. Но Волков не сумел заинтересовать певицу, напротив – сумел ее оттолкнуть.

– Дмитрий, мне надоел этот разговор, – закапризничала мисс Мэннинг. – Давайте остановимся на том, что если вы найдете переводчика и я решу, что он меня устраивает, то я откажусь от услуг Анны и выплачу ей компенсацию.

При этих словах она повернулась ко мне и еле заметно подмигнула, давая понять, что расставаться со мной она не собирается, а приведенные переводчики ее устроят вряд ли.

– И не спорьте, Дмитрий, – она опять повернулась к Песцову. – Я устала, и мои бедные нервы не выдержат продолжения этого разговора. Что вы будете делать, если я упаду в обморок?

Она чуть покачнулась, показывая намерение, затем с сомнением посмотрела на довольно грязный пол и решила верить любому ответу Песцова, не проверяя его опытным путем.

– Филиппа, разве я позволю вам упасть? – не разочаровал он ее. – Я отнесу вас в вагон на руках.

– А надо бы вызвать врача, – неодобрительно сказала горничная. – Мисс просто так в обморок не падает.

Это было настолько неожиданно, что Песцов посмотрел на нее так, словно только сейчас понял, что она живой человек, а не предмет мебели. И правда, ранее я не слышала от нее ни единого слова при Песцове, да и в разговоре со мной она была весьма немногословна.

– Только не говорите, Дмитрий, что горничную тоже нужно уволить, – хихикнула мисс Мэннинг.

– Все против меня! – трагически простонал Песцов, прикладывая руку ко лбу.

Мне стало его жалко. В конце концов, у него из-за меня сплошные проблемы, и еще неизвестно, что будет дальше. Особенно если Волков узнает, что из Ильинска меня вывез действительно Песцов. Одной драной шкурой дело точно не ограничится.

– Дмитрий Валерьевич, – примиряюще сказала я, – существует теория, по которой мелкие неприятности разменивают одну крупную. Вдруг мое присутствие уберегает вас от чего-то страшного?

– Мне уже кажется, Анна Дмитриевна, что страшнее вас ничего быть не может, – огрызнулся он.

Но сделал это уже не с таким пылом, как раньше. Противостоять сразу трем дамам сложно даже Песцовым. Особенно если одна хоть и не говорит по-русски, но сразу требует разъяснений, о чем мы секретничаем на непонятном ей языке. Бойтся, наверное, что договоримся за ее спиной.

– Вдруг судьба приготовила вам нечто совершенно ужасное? – предположила мисс Мэннинг, выслушав мое объяснение. – А Анна героически ей противостоит.

Возможно, она даже убедила бы кавалера в моей святости, если бы наконец с улицы не раздался характерный свист поезда. Мисс Мэннинг сразу выбросила из головы всю ерунду, не касающуюся собственных вещей, которых все еще на вокзале не было. Мы вышли на перрон, где сразу вспомнилось посещение синематографа с Николаем, но здесь была не только картинка – приближающийся пыхтящий металлический зверь в клубах дыма, – но и полный набор звуков, сопровождающих прибытие поезда. И запахов тоже набор. Мне даже не надо было перестраивать обоняние, чтобы ощущать эту чудную смесь, являющуюся неотъемлемой частью железной дороги: крезот, угольный дым, машинная смазка и нечто неуловимое, что я назвала бы ароматом странствий, будоражащим душу и зовущим куда-то.

Вместе с нами на перрон вывалился подозрительный тип, от которого сразу зафонило магией, скорее всего, от включенного артефакта. Он зашнырял по перрону, вызывая лишь слабый интерес железнодорожников, из чего я сделала вывод, что появился он тут не впервые и наверняка по мою душу. Я старательно притворялась, что не замечаю, но на самом деле внутри все сжималось от страха. Выдержит ли моя маскировка проверку артефактами? К счастью, шпик нами не заинтересовался и устроился рядом со входом, ожидая появления других пассажиров, которых пока не было. Меня это успокоило, но не настолько, чтобы окончательно про него забыть, и я время от времени косилась в его сторону.

Мисс Мэннинг же на шпику не обратила ни малейшего внимания, поскольку была увлечена очередным скандалом, который устраивала Песцову. Багажа не было, а без багажа она в поезд садиться не собиралась, пусть он пока еще даже не подъехал, а только приближался к станции, постепенно замедляя ход, чтобы застыть точно напротив перрона. Сразу за паровозом было два глухих вагона: темно-коричневый, который в свете фонарей казался почти черным, и зеленый, на котором была прикреплена треугольная табличка «Почта». Остальные вагоны были синими и желтыми, с аккуратными надписями поверху «Прямое сибирское сообщение». Наверное, при солнечном свете поезд выглядит очень нарядно и заметен издали, особенно на фоне снега.

Почти одновременно с поездом на перрон въехала тележка с кучей чемоданов и сундуков.

– Вот ваши вещи, Филиппа, – обрадованно махнул рукой на тележку Песцов. – Можете спокойно садиться в вагон.

И точно: рядом с носильщиком с сосредоточенным видом шагал запыхавшийся тип со значком гостиницы на шапке, хорошо различимым даже при свете фонарей. При его появлении шпик оживился, и я почувствовала усиление работы артефакта. Судя по всему, были просканированы служащий гостиницы, оба носильщика и все вещи на тележке. Если бы я собиралась выбраться из Ильинска в сундуке мисс Мэннинг, сейчас потерпела бы сокрушительное поражение. Хорошо, что такой способ не пришел мне в голову.

– Пойдемте же в тепло, Филиппа, – нетерпеливо продолжил уговоры Песцов. – Сейчас ваши вещи погрузят и вам принесут квитанции.

– Хочу наблюдать за погрузкой, – заупрямилась мисс Мэннинг. – Чтобы быть уверенной, что ничего не пропало.

Она попыталась шмыгнуть опять покрасневшим носиком как можно более незаметно, но это у нее не получилось. Если уж я заметила, то Песцов, стоящий к ней почти вплотную, точно обратил внимание, поскольку предложил:

– Я прослежу. К чему вам мерзнуть?

– Ах, Дмитрий, я лучше замерзну и отогреюсь потом, чем останусь без столь необходимых мне вещей, – заявила мисс Мэннинг и размашистым шагом, присущим скорее мужчинам, направилась к самому первому, коричневому вагону, около которого остановилась тележка. Там она несколько раз пересчитала свои вещи, которых оказалось в избытке. Кроме чемоданов и корзин, имелись еще увесистые сундуки, которые с трудом поднимались грузчиками, но находили свое место в необъятных глубинах багажного вагона. Грузчики работали споро, и вскоре все оказалось погружено, а мисс Мэннинг вручили зеленые квитанции, которые она подозрительно пересчитала, после чего передала Песцову.

– Все в порядке, Дмитрий, – проворковала она и почти повисла на кавалере, – мы можем спокойно ехать.

Заходя в вагон, я обернулась, но шпик мной так и не заинтересовался. Возможно, конечно, что он тут вообще не по мою душу, но подозрения не утихали. Последний взгляд на перрон – и я, отбросив посторонние мысли, пристроилась в кильватер мисс Мэннинг, делая вид, что являюсь всего лишь частью ее свиты.

На удивление, мое место оказалось в первом классе, подле певицы. Более того, между нашими купе была общая дверь, что сразу же обнаружил Песцов, надулся и предложил либо поменяться со мной местами, либо вообще отправить меня в вагон второго класса, к горничной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.